

Достигаев и другие. Максим Горький gorkiutaхim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiutaхim.ru/> Приятного чтения!

Достигаев и другие. Максим Горький

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Д о с т и г а е в.

Е л и з а в е т а.

А н т о н и н а.

А л е к с е й.

П а в л и н.

З в о н ц о в.

В а р в а р а.

К с е н и я.

Д о н а т.

Г л а ф и р а.

Т а и с ь я.

М е л а и и я.

Ш у р а.

П р о п о т е й.

Т я т и н.

Л а п т е в.

К а л м ы к о в а.

Р я б и н и н.

Б о р о д а т ы й с о л д а т.

К у з ь м и н.

П о п и о с и ф.

З ы б и н - помещик.

Г у б и н.

Н е с т р а ш н ы е - отец и сын Виктор.

Т р о е р у к о в.

Ц е л о в а н ь е в.

Л и с о г о н о в.

М о к р о у с о в.

Б е т л и н г.

Ж а н н а.

Ч у г у н о в а.

К о н с т а н т и н |

С о ф р о н | дети её.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Купеческий клуб. Солидно обставленная гостиная, против зрителя портрет Александра Третьего во весь рост и в шапке, – тучная, чёрная фигура на голубоватом фоне, за нею – какие-то колонны, они напоминают ленинградскую Биржу. В глубине сцены – широкие двери в двухсветный зал, видно эстраду, на ней – стол, покрытый красным сукном, за столом, на стене – золотая рама, портрет Николая Второго вынут из рамы, в раме торчат два красных флага. Перерыв заседания, в зале остались и беседуют несколько маленьких групп, они постепенно тают, выходя в гостиную, а из неё – в двери налево, в буфет. Направо – дверь в карточную. В уголке, около неё, сидит на краешке мягкого стула, свёртывая козью ножку, старичок И о с и ф, поп, в мужицких сапогах, ряса выцвела, остроносый, лысоватый, в очках. Из зала выходят: П а в л и н, Порфирий Петрович Н е с т р а ш н ы й, бывший городской голова и председатель местного союза Михаила Архангела, он – с палкой, прихрамывает; Кузьма Л и с о г о н о в, фабрикант.

Л и с о г о н о в. Ты, отец Павлин, погоди рассказывать, я пойду чайку спрошу. (Остановился, смотрит на портрет царя, вздохнул.) Что, ваше величество, сына-то у тебя – рассчитали? Эхе-хе...

Н е с т р а ш н ы й (садясь к столу, угрюмо). Есть у меня догадочка, что Лениным да большевиками кадеты пугают нас. Расчётец у них такой пугать.

П а в л и н. Боюсь, что в этом случае – ошибаетесь вы. Ленин воплощение материализма, злого духа, – земной, грубейшей, дьявольской мудрости...

Н е с т р а ш н ы й. А ты, когда во второй Думе эсером был, небесную мудрость воплощал?

П а в л и н. Ирония ваша едва ли уместна. Во второй Думе, если помните, духовенство было представлено весьма обильно, и в этом сказалась воля народа...

Н е с т р а ш н ы й. Н-да... Пошли попы вприсядку...

П а в л и н. Взглянув же углублённо, мы увидим, что эсерство, отказавшееся от террора, вполне способно к слиянию с кадетизмом, а сей последний является наименьшим злом и – как видим – заключает в себе дальнейшее тяготение направо.

(Подходят и присаживаются к столу: Целованьев, хозяин городских боен, и Троеруков – мукомол, человек лет 50, очень похожий на Александра Третьего; о своём сходстве с царём Троеруков знает. В дверях зала Василий Достигаев беседует с Мокроусовым; Мокроусов – в штатском, он – заведует хозяйством клуба. Так же как и Достигаев, он мелькает на сцене в продолжение всего акта. Достигаев – старшина клуба – ручки в карманах, прислушивается ко всем разговорам, вступает во все беседы, оставаясь один, задумчиво посвистывает.)

Ц е л о в а н ь е в. О чём беседа?

П а в л и н. Вот, Порфирий Петрович говорит, что кадеты нарочно пугают нас Лениным с братией его; пугают, как я понимаю, того ради, чтоб торговое сословие подалось влево, к ним, кадетам, в их власть...

Ц е л о в а н ь е в. А ты, отец Павлин, разве не кадет?

П а в л и н. Никоим образом и никогда не склонюсь. Я вообще...

Д о с т и г а е в (подошёл). Да, вообще-то вот – как?

П а в л и н. Казалось бы, ежели царствующая персона признана не соответствующей значению своему и делу, – изберите другое лицо. У нас ещё сохранились и благоденствуют потомки Рюрика, удельных князей дети...

(Лисогонов возвратился, официант несёт стакан чаю и – в чайнике коньяк.)

Д о с т и г а е в. Потомки, пустые котомки...

Т р о е р у к о в. Во сне живём...

Л и с о г о н о в. В буфете Звонцова ругают – любо слушать!

Ц е л о в а н ь е в. Н-да... комиссар Временного правительства, вроде губернатора нам...

Т р о е р у к о в (лениво). А давно ли он в конторе у меня сидел, дождался смиренно, когда я его позову?

Н е с т р а ш н ы й. Что скажешь, Достигаев?

Д о с т и г а е в. Слушаю.

Н е с т р а ш н ы й. Хитришь всё.

Д о с т и г а е в. Учусь.

Н е с т р а ш н ы й. Нельзя понять – куда ты метишь!

Д о с т и г а е в. А ты, Порфирий Петров, куда?

(Нестрашный молчит. Все смотрят на него, ждут. Не дождались.)

П а в л и н. Между прочим, гражданин Звонцов в речи своей коснулся – и весьма обидно – церкви. Среди многих обычных и легкомысленных поношений, коими господа интеллигенты привыкли обременять духовенство, указал он и на то, что, дескать, нужно устранить из богослужения древнеславянский язык, дабы сделать глас божий более вразумительным душе пасомых – наивной душе народа нашего.

Н е с т р а ш н ы й (угрюмо). наивная! Тоже, сказал! Положи-ка палец в рот ей, наивной... сукиного сына дочери!

Ц е л о в а н ь е в. С войны-то бегут и бегут.

Л и с о г о н о в. Вся Россия дезертирует...

П а в л и н (возбуждаясь). Причиною чего служит злокозненная проповедь о свободе мысли, воле народа и прочем...

Н е с т р а ш н ы й. А во время второй Думы ты всё-таки с эсерами обнюхивался и сам всё это проповедовал.

П а в л и н. Утверждение – голословное. Возвращаясь к речи господина комиссара Звонцова, должен сказать: мнение его о языке ниспровергается тем фактом, что католическая церковь пользуется в службе богу языком латинским.

(Поп Иосиф, свернув козью ножку, закурил.)

П а в л и н. Однакож крепость и сила римской церкви от сего не страдает, и даже удары еретиков, подобных Лютеру...

Н е с т р а ш н ы й. Брось, отец Павлин! Речами накормлены мы вполне достаточно, даже до тошноты.

Т р о е р у к о в. Погодите, дайте послушать.

Н е с т р а ш н ы й. Сколько ни глотай воздух, сыт не будешь...

П а в л и н (сердито). Вы, почтеннейший Порфирий Петрович, равно как и всё сословие ваше, волею грозной судьбы ввергаетесь в область политики, опаснейшую для неискушённых в ней. А потому вам необходимо знать, что всё понятное обнаруживает себя как вреднейшая людям глупость, истинная же и святая премудрость скрыта в непонятном и недоступном ухищрениям разума...

Достигаев и другие. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Л и с о г о н о в. Верно. Ох – верно!

Т р о е р у к о в. Как во сне живём. Чёрт те что...

П а в л и н (напористо). Религия есть оружие против соблазнов и козней дьявола...

Н е с т р а ш н ы й. Я против религии не спорю.

П а в л и н. И, как всякое оружие защиты, религия подлежит развитию и совершенствованию. Посему: если мы лишились светского главы – необходимо оную заменить духовной. В Москве поднят вопрос об избрании патриарха...

Н е с т р а ш н ы й. Ты скажи, что нам делать, нам?

Л и с о г о н о в. Нам, друг дорогой, хоть сатану давай, – был бы порядок, вот как дело-то стоит.

Т р о е р у к о в (грустно). Что-то, друзья, будто не то делается нами! Всё беседуем. А вот – бабы... им революция не мешает. Они своё дело не бросают... Огурцы – посолили, капусту – заквасили, грибы...

Д о с т и г а е в. Губин идёт...

П а в л и н. Встреча с этим... лиходеем нежелательна! (Быстро идёт к двери направо, заметил Иосифа.) Ах, это вы, отец Иосиф, махорку курите? Как же это вы здесь – махорку, а?

И о с и ф. Нечего покурить-то, нечего!

П а в л и н. Воздержитесь! Здесь – не трактир.

Н е с т р а ш н ы й (толкая его к двери). Иди, а то скандал будет...

(Павлин, Нестрашный ушли, за ними Лисогонов, неплотно притворив дверь, выглядывает в гостиную. Губин идёт из зала – тяжёлый, толстый человек с оплывшим лицом и наглыми глазами. Его сопровождает Алексей Достигаев.)

Г у б и н. Вот это и есть – она?

А л е к с е й. Да.

Г у б и н. Рыжая, в платье сопливенького цвета?

А л е к с е й. Да, да... Жанна Густавовна.

Г у б и н. Ничего, заметная стервоза! Вот эдакие бабёнки вредных лет...

А л е к с е й. Вы хотели сказать: средних лет?

Г у б и н. Я говорю как хочу. Вредных лет, значит – между тридцатью и сорока. Самые интересные. Понял?

А л е к с е й. Не совсем.

Г у б и н. Отец умнее тебя, хотя... тоже не Бисмарк! Ну, айда шампань лакать, баболоб.

И о с и ф. Достопочтенный Алексей Матвеевич...

Г у б и н. Чего?

И о с и ф. Богом вас прошу – заплатите за гусей, коих вы перестреляли...

Г у б и н. Ага! Это – ты? Так я же тебе сказал: подавай в суд.

И о с и ф. Нет на вас суда, кроме божия...

Достигаев и другие. Максим Горький gorkiyamaxim.ru

Г у б и н. Врёшь, есть! Пошёл прочь. И – подавай в суд. Не подашь приеду другой раз, ещё кого-нибудь застрелю... понял?

И о с и ф. Я, Алексей Матвеевич, в газету пожалуюсь на вас.

Г у б и н. Валяй! В газету! Архиерею! Валяй... (Ушёл в буфет.)

(Иосиф вынул кисет, свёртывает папиросу, вспомнил, что нельзя курить махорку, и, спрятав кисет, огорчённо махнул рукой, снова сел в угол.)

Ц е л о в а н ь е в. А боится Павлин Губина!

Т р о е р у к о в. Кто его, чёрта, не боится!

(Нестрашный вышел.)

Л и с о г о н о в. Подставили ему ножку попы-то.

Ц е л о в а н ь е в. Положим, это вот Порфирия Петровича тяжёлая лапка вышибла его из городских-то голов.

Н е с т р а ш н ы й. При чём тут я? Архиерей это действовал, после того как Губин дьякона во время обедни за волосья оттаскал.

Т р о е р у к о в. Его в сумасшедший дом...

Н е с т р а ш н ы й. Теперь для сумасшедших города строить надобно.

Л и с о г о н о в. Чу, шумят в буфете! Пойду, взгляну.

(Все ушли. Остался Троеруков, осаниваясь, поглаживая бороду, смотрит на портрет царя и в зеркало на себя. Налил коньяку, встал, пьёт, крикнул.)

И о с и ф. На доброе здоровье.

Т р о е р у к о в (подумав). Да ведь я не чихнул.

И о с и ф. Тогда – простите, ослышался!

Т р о е р у к о в. Ты откуда?

И о с и ф. Из слободы, из Комаровой.

Т р о е р у к о в. Ага... А... чего ждёшь тут?

И о с и ф. Игуменью, мать Меланию ожидаю, по её приказу. Обещала быть здесь.

Т р о е р у к о в. Она – здесь. Коньяк – пьёшь?

И о с и ф. Где уж нам! Самогонцу бы, да и того не сыщешь! Ох, разоряется Русь!

Т р о е р у к о в. На-ка, выпей!

И о с и ф. Спаси вас Христос! Будьте здоровы. Ух... Какая... неожиданная жидкость!

Т р о е р у к о в (удовлетворённо). Ожёгся? То-то. На ещё...

(Из буфета выходят: Бетлинг, за ним Достигаев и Мокроусов; перед ним, забегаю то справа, то слева, – Лисогонов.)

Б е т л и н г (пренебрежительно и ворчливо). Вы – не прыгайте! Вы спокойно...

Л и с о г о н о в. Взволнован честью беседовать с вашим превосходительством...

Б е т л и н г. Позвольте, я сяду. И вы – сядьте! Ну, что же вам угодно?

Л и с о г о н о в. Мудрый совет ваш, ваше...

Б е т л и н г. Вы – короче, без титула...

Л и с о г о н о в. Говорят, что большевик этот – Ленин – выдуман для устрашения нашего...

Б е т л и н г. Как это – выдуман?

М о к р о у с о в. Разрешите сообщить: Ленин, после ареста его шайки, бежал в Швецию. Он – лицо действительное.

(Из буфета, из зала выходят люди, окружают Бетлинга, смотрят на него. В толпе, у стены – Тятин. Вышла Мелания, села в кресло. К ней подходит поп Иосиф, кланяется, подаёт бумагу, беседует. Мелания уводит его в зал. Через некоторое время попик быстро пробирается в буфет.)

Б е т л и н г. Ну да! И, конечно, Швеция выдаст его нам. Вот вы, член городской управы, увлекаетесь политикой, а в городе по улицам нельзя на автомобиле ездить. Видите? Напоминаю вам, что для политики у нас есть Временное правительство...

Л и с о г о н о в. Простите! Конечно, мы – дикари, и кому надо верить – не знаем.

Б е т л и н г. Вот вы снова вскочили и... мелькаете, прыгаете...

Л и с о г о н о в. Утверждают, что большевики завелись даже в нашем городе.

Б е т л и н г. Нельзя придавать значения болтовне каких-нибудь базарных торговков.

Л и с о г о н о в. Это жена комиссара Звонцова говорит.

Б е т л и н г. Что? Не верю. Я знаю её, она благоразумная женщина.

М о к р о у с о в. Осмелюсь доложить: большевики в городе есть.

Б е т л и н г. Есть?

М о к р о у с о в. Так точно.

Б е т л и н г. Гм... Ну и что же они?

М о к р о у с о в. Проповедуют социализм, так же как и социалисты-революционеры.

Б е т л и н г. Ну, ну, милейший, у нас всегда что-нибудь проповедуют... Большевики... В Петрограде их арестовали, а что же у нас? Надо арестовать!

М о к р о у с о в. Спрятались, ваше превосходительство.

Д о с т и г а е в. Некоторые из нас, граф, сомневаются в силе Временного правительства.

Б е т л и н г. Почему? Ведь вот оно арестует, ловит! Водворяет порядок...

Н е с т р а ш н ы й. Вопрос – кто ловит и для чего? Ловят – адвокаты, профессора, интеллигенты и вообще всякая нищая братия.

Б е т л и н г (утомлён). Но – почему же так резко? Там есть почтенные люди, например – князь Львов и этот... как его?

Д о с т и г а е в. Князь-то он Львов, да львы-то у него – как будто ослы.

Б е т л и н г (наильно улыбаясь). Это остроумно... но зачем же так? Мы должны доверять Временному правительству...

Н е с т р а ш н ы й. Иные называют его – беременное; будто бы социалисты изнасиловали его.

Достигаев и другие. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Б е т л и н г (беспомощно). Я так не думаю...

Ц е л о в а н ь е в (Нестрашному). Ну, и здорово Достигаев срезал графа.

Н е с т р а ш н ы й. Н-да... Ловок и на язык и на руку.

Ц е л о в а н ь е в. А-яй, здорово!

Б е т л и н г (Достигаеву). А как здоровье компаньона вашего, Бульчова?

Д о с т и г а е в. Он помер с месяц тому назад.

Б е т л и н г. Ах да, я забыл! Сожалею. Умный человек, своеобразный.

Л и с о г о н о в. Не так умён, как дерзок.

Ц е л о в а н ь е в. К нам, в родовое купечество, он вскочил из приказчиков.

Н е с т р а ш н ы й. На дуре женился, а у неё – деньги. Вскочил в наш круг, возгордел счастьем, начал показывать свои качества да и оказался самодуром, вроде Алексея Губина.

Б е т л и н г. Ах, вот как?

Н е с т р а ш н ы й. Вообразил, что лучше его – нет людей и весь свет на нём клином сошёлся...

Б е т л и н г (с тоской). Почему же не начинают заседание?

(От него постепенно отходят, гостиная пустеет. Он сидит, глядя на портрет царя, отирая рот платком. Оглядываясь на людей, подходит Троеруков, говорит вполголоса.)

Т р о е р у к о в. Позвольте узнать, ваше превосходительство, верно, что портрет на меня похож?

Б е т л и н г. Да, есть некоторое...

Т р о е р у к о в. Ваше превосходительство, вы наш почетный староста, прошу вас: поддержите ходатайство моё...

Б е т л и н г. Но – позвольте: что же я могу?

Т р о е р у к о в. Вы – можете! Пустяки, ваше превосходительство! Вы, как патриот, намекните, что если сына убрали, так и отцу неприлично тут висеть. А я бы взял его себе, перекрасил одежду на штатскую, на купеческую...

Б е т л и н г (возмущён). Извините, но вы... вы – с ума сошли? Вы... фантазёр! (Встал, идёт к дверям буфета. Троеруков испуганно скрывается в комнату направо. Навстречу Бетлингу из буфета: Жанна, Елизавета, Достигаев, Зыбин.)

Ж а н н а (говорит с акцентом). Нужно покупать автомобили. Ах, ты здесь? Я тебя искала.

Б е т л и н г. Послушай...

Ж а н н а. Немножко мольчи! Я говорю: нужно делать шик, это удивляет простые люди. Богатство – удивляет, не правда?

З ы б и н. И рабочий народ живёт спокойно, довольствуясь удивлением.

Ж а н н а. Вы всегда делаете иронию, это плохое дело! Ты всё сидел здесь, как этот...

З ы б и н. Орёл на скале.

Ж а н н а. Нет – куриса! Он ужасно много сидит.

Достигаев и другие. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Е л и з а в е т а. И что же - высиживает?

Ж а н н а (грозит ей пальцем). Н-но!

Б е т л и н г (раздражённо). Ты обещала придти через две минуты. А меня взяли в плен эти... коммерсанты, один нетрезвый, другой - сошёл с ума, остальные грубияны.

Ж а н н а. Вот, он снова сидит! Лиза - что вы смеётесь?

Б е т л и н г. Политика, политика! Все точно грибами отравились. Что они могут понимать в политике, эти монстры? Я - устал!

З ы б и н. Теперь даже рабочие, солдаты воображают...

Б е т л и н г. Ах, перестаньте, друг мой!

Е л и з а в е т а. После заседания будут танцевать?

М е л а н и я (вышла, садится в кресло у дверей в зал). Нашла время для пляски, умница!

Е л и з а в е т а (весело). Почему же? Старики поговорят, разойдутся, а мы бы...

В а р в а р а (из буфета). Лиза - не видала, где Андрей?

М о к р о у с о в. В маленькой гостиной.

Ж а н н а. Ты - расстроена, Барбиш?

В а р в а р а. Я? Нисколько.

З ы б и н. Варвара Егоровна, добрый вечер! Что, вы уже решили отрубить мне голову?

В а р в а р а. Я - нет! Это нестрашный и его чёрная сотня решает.

Ж а н н а. Я не хочу политики! Я не хочу, чтобы ты, Варья, рубила голову мосье Зыбин. За что? Он - весёлая голова... Ты - умная голова, а русский народ - добрый! Он не хочет рубить головы своим дворьяне.

(Звонок в зале.)

Б е т л и н г. Наконец! Идём, Жанна.

Ж а н н а. Я всегда думаю, когда говорю - дворьяне. Я дольго говорила: дворники, дворняги - маленькие собачки. Это очень смешно!

(Идут в зал. Проходя мимо Мелании, Елизавета не поклонилась ей.)

М е л а н и я. Здравствуй, Лизавета!

Е л и з а в е т а. Ах, извините! (Проскользнула в зал.)

М е л а н и я. Варвара - подожди.

В а р в а р а. Я вам нужна, тётя?

М е л а н и я. Зову, значит - нужна! Чего это муженёк-то твой городил насчёт церкви, болван? Ты что не учишь его? Училась-училась, а учить не умеешь! Политики! Без церкви-то всем вам башки оторвут.

В а р в а р а. Вы не поняли! Андрей говорил о приближении церкви к народу, о том, что богослужение нужно сделать проще, но эффективнее...

М е л а н и я (пристукивая посохом). Страшнее надо, страшнее, угрознее! Эффекты для театров оставьте.

В а р в а р а. Простите, мне нужно мужа...

М е л а н и я (отмахиваясь). Иди, иди! Другого бы поискала мужа-то, поумнее. Беги! Добегаетесь, смутьяны!

(Встала, хочет идти в зал. Нестрашный и Мокроусов выходят из буфета.)

М о к р о у с о в. Подходящего человека не успел найти, Порфирий Петрович.

(Мелания остановилась, слушает.)

Н е с т р а ш н ы й. Будучи у меня, в союзе Михаила Архангела, везде успевал, а теперь – не успеваешь? Странно, брат...

М о к р о у с о в. Народ ненадёжен очень.

Н е с т р а ш н ы й. Сам-то надёжен ли?

М о к р о у с о в. Оскорбляете, Порфирий Петрович! Он – осторожный человек, прячется...

М е л а н и я. Как же это, где же он прячется, ежели на митингах каждый день орёт?

М о к р о у с о в. Я понимаю – по ночам. И один никогда не ходит.

Н е с т р а ш н ы й. Ну, ладно! Ты всё-таки... Ты – патриот, не забывай!

М е л а н и я (Нестрашному). Присядь-ка на минутку. (Сели за стол у двери направо, шепчутся.)

Н е с т р а ш н ы й. Следует. Только людишки-то у меня в союзе рассеялись. Теперь – такое время: всякому до себя.

М е л а н и я. Ну, много ли надо?

(Звонцов выглянул из двери и быстро скрылся.)

Н е с т р а ш н ы й. Да, конечно, сделаем. Ну, кажись, начинается говорильня. Идешь?

(Пошли. Из дверей зала – Тятин; Мелания и Нестрашный смотрят вслед ему. Он сел за стол, вынул блокнот, пишет. Выскочил Звонцов, отирая лицо платком, попятился.)

Т я т и н (встал). Любезный братец...

З в о н ц о в. Некогда мне!

Т я т и н. Ничего, успеешь совершить подвиги ума и чести.

З в о н ц о в. Это что за тон?

Т я т и н. Ты пустил слух, будто бы я научил Шуру похитить какие-то деньги у отца и деньги эти спрятаны мною...

З в о н ц о в. Не смей... трогать... меня... трясти! Скандал устроить хочешь?

Т я т и н. Правду говоря, не плохо бы! Да я тебя и оскандалю...

З в о н ц о в. Не напечатают! Выгонят из газеты.

Т я т и н (оттолкнув его). Экая ты дрянь!

З в о н ц о в. Я не знаю, кто выдумал эту сплетню, но я её не повторял. Деньги! Чего теперь стоят деньги? Я не скрою, твоя позиция неожиданна для меня. Ты так искусно прятал твои убеждения.

Достигаев и другие. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Т я т и н. Это не относится к делу.

З в о н ц о в. И – вдруг... Странно! Ты – интеллигент... Мы, интеллигенты...

Т я т и н (усмехаясь). Они – интеллигенты!

З в о н ц о в. Мы являемся законными преемниками власти этих быков...

Т я т и н. Агитируешь?

З в о н ц о в. Мы, люди, которым самодержавие идиотов было так мучительно...

Т я т и н. Брось! Я не играю в дураки. И оставь Шуру в покое. Вы там травите её. Смотри, я – смирный человек, но до времени. (Идёт в буфет.)

З в о н ц о в (отирая лицо платком). Негодяй!

(Варвара и Достигаев очень быстро выходят из зала.)

В а р в а р а. А как же тётка Мелания?

Д о с т и г а е в. Подумай – сама догадаешься, умница. (Быстро прошёл в буфет.)

З в о н ц о в. О чём он?

В а р в а р а. Это тебя не касается. Почему ты не позвал меня на совещание по продовольствию?

З в о н ц о в (сухо). Не нашёл.

В а р в а р а. А – искал?

З в о н ц о в. Поручил Мокроусову, но, очевидно, этот болван...

В а р в а р а (зловеще). Пытаешься действовать самостоятельно? Андрей, твоё выступление было неудачно. Очень. Пойми: большевики – это уже не "ослы слева", и знамя их не "красная тряпка", как сказал о них и о знамени Милюков, нет, это уже знамя анархии...

З в о н ц о в. Ты страшно горячишься. И – говори тише, кругом – люди. И почему нужно говорить сейчас? Начинается заседание.

В а р в а р а. Слушай: мы между двух анархий, красной и чёрной.

З в о н ц о в. Ну да, да! Я понимаю это, знаю...

В а р в а р а. Нет! Ты не понимаешь ни трудности нашей позиции, ни выгод её...

З в о н ц о в. Ах, боже мой! Как ты любишь учить! Но я именно так и говорил о большевиках.

В а р в а р а (страстно). Нет, не так! Надо было резче. Надо бить по черепам каменными словами. Твоё ликование по поводу неудачи большевиков в Петрограде – неуместно и бестактно. Лозунг "вся власть Советам" – вот чем ты должен действовать на толстую кожу...

З в о н ц о в. Ты ужасно настроена!

В а р в а р а. Красивые речи твои...

З в о н ц о в. Удивляюсь! Чего ты боишься?

В а р в а р а (шипит в лицо ему). Ты – глуп! В тебе нет классового чувства...

З в о н ц о в. Позволь! Чёрт возьми! Что я – наёмник твой? И – при чём здесь классовое чувство? Я – не марксист... Какая дичь!

(Быстро идёт в зал, Варвара изнеможенно садится на стул, бьёт кулаком по столу,

Достигаев и другие. Максим Горький gorkiymaxim.ru
(Елизавета идёт навстречу Звонцову из зала.)

Е л и з а в е т а. Дрюдрюшечка, солёненький мой, как люблю тебя!

З в о н ц о в (сердито). Позволь... В чём дело?

В а р в а р а. Ведёшь ты себя, Лиза...

Е л и з а в е т а. Ай! Ты – здесь? Да, Варя, я плохо веду себя. "Жизнь молодая проходит бесследно", и – очень скучно всё! Но ты – не бойся. Я Андрея не отоблю у тебя, я его люблю... патриотически... нет, как это?

З в о н ц о в (хмуро). Платонически. Пусти меня!

Е л и з а в е т а. Вот именно – протонически! И – комически. Андрюша, после всей этой чепухи – можно танцы, а?

В а р в а р а. Ты с ума сошла!

Е л и з а в е т а. Милые губернаторы! Вы всё можете! Давайте устроим...

З в о н ц о в (строго). Это невозможно. (Освободился, ушёл.)

Е л и з а в е т а. Выскользнул... Ну... устроим маленький пляс у Жанны. Варя, приглашаю! БОГ мой, какое лицо! Что ты, милая? Что с тобой?

В а р в а р а. Уйди, Елизавета!

Е л и з а в е т а. Дать воды?

В а р в а р а. У-уйди...

(Елизавета бежит в буфет. Варвара несколько секунд стоит, закрыв глаза. Мелания и Павлин – из зала. Варвара скрывается в дверь направо.)

М е л а н и я. Жарко. Тошно. Надоело всё, обрыдло, ух! Сильную бы руку на всех вас...

П а в л и н (вздыхнув). "Векую шаташася языцы".

М е л а н и я. Говорил с Прокопием?

П а в л и н. Беседовал. Натура весьма разнузданная и чрезмерно пристрастен к винопитию...

М е л а н и я (нетерпеливо). Для дела-то годится?

П а в л и н. Ничем не следует пренебрегать ради просвещения заблудившихся, но...

М е л а н и я. Ты – прямо скажи: стихи-то подходящи?

П а в л и н. Стихи вполне пригодны, но – для слепцов, а он... зрячий...

М е л а н и я. Ты бы, отец Павлин, позвал бы к себе старика-то Иосифа, почитал бы стихиры-то его да и настроил бы, поучил, как лучше, умнее! Душевная-то муть снизу поднимается, там, внизу, и успокаивать её, а болтовнёй этой здесь, празднословием – чего добьёмся? Сам видишь: в купечестве нет согласия. Вон как шумят в буфете-то...

П а в л и н (прислушиваясь). Губин бушует, кажется. Извините удаляюсь.

(Открыл дверь в зал, оттуда вырывается патетический крик: "Могучая душа народа..." Из дверей буфета вываливаются, пошатываясь, Губин, Троеруков, Лисогонов, все выпивши, но – не очень. Мокроусов, за ним старичок-официант с подносом, на подносе стаканы, ваза печенья.)

Г у б и н. Чу, орут: душа, души... Душат друг друга речами. И все врут. Дерьмо! А поп огорчился коньяком – даже до слёз. Плачет, старый чёрт! Я у него гусей

перестрелял.

Т р о е р у к о в. Сядем здесь под портретом...

Г у б и н. Не желаю. Тут всякая сволочь ходит.

Л и с о г о н о в. Скажите, Лексей Матвеич...

Г у б и н. И не скажу. Больно ты любознателен, поди-ка, всё ещё баб щупаешь, а?
(Троеруков хохочет. Мокроусов открыл дверь направо, официант прошёл туда.)

Л и с о г о н о в. Лексей Матвеич – вопрос: помиримся с немцами или ещё воевать будем?

Т р о е р у к о в (печально). Царя – нет. Как воевать?

Г у б и н. Воевать – не в чем. Сапог нет. Васька Достигаев с Перфишкой Нестрашным поставили сапоги солдатам на лыковых подошвах.

(Ушли в гостиную направо. Мелания – крестится, глядя в потолок. Из зала выходят Нестрашный, Целованьев, затем – Достигаев.)

Н е с т р а ш н ы й. Наслушался. Хватит с меня. Мать Мелания, ты тоже не стерпела?

М е л а н и я. Я отсюда речи слышу, душно там. Что делается, Порфирий Петрович, а?

Н е с т р а ш н ы й. Об этом – не здесь говорить. Ты бы заглянула ко мне. Завтра?

М е л а н и я. Можно. Послал господь на нас саранчу эту...

Н е с т р а ш н ы й. Надо скорее Учредительное собрать.

М е л а н и я. На что оно тебе?

Н е с т р а ш н ы й. Мужик придёт. Он без хозяина жить не может.

М е л а н и я. Мужик! Мужик тоже бунтовать научен. Тоже орёт, мужик-то.

Н е с т р а ш н ы й. А мы ему глотку землёй засыпем. Дать ему немножко землицы, он и...

Д о с т и г а е в. Допустим, Перфиша, что глотки мы заткнули, живот мужику набили туго, а – что делать с теми, у кого мозги взболтаны? Вот вопрос.

Н е с т р а ш н ы й. Это ты, фабрикант, опять про рабочих поёшь?

Д о с т и г а е в. Вот именно! Я – фабрикант, ты – судовладелец, кое в каких делах мы компаньоны, а видно всё-таки, что медведи – плохие соседи.

Н е с т р а ш н ы й. Перестань... Все знают, что ты прибаутками богат.

М е л а н и я. В шестом-седьмом годах показано вам, как надо с рабочими-то... Забыли?

Н е с т р а ш н ы й. Достигаев, кроме себя, ничего не помнит...

Д о с т и г а е в (с усмешкой). Никак это невозможно – о себе забыть. Даже святые – не забывали. Нет-нет да и напомнят богу, что место им – в раю.

М е л а н и я. Заболтал, занёлся! Научился кощунству-то у Егора Булычова, еретика...

Д о с т и г а е в (отходя). Ну, пойду, помолчу, язык поточу.

Достигаев и другие. Максим Горький gorkiy.ucoz.ru
Н е с т р а ш н ы й. Иезуит. Ходит, нюхает, примеряется, кого кому выгодней продать. Эх, много такого... жулья в нашем кругу!

М е л а н и я. Сильную руку, Порфирий, надобно, железную руку! А они вон как...

(Выходит Губин, за ним Троеруков, Лисогонов.)

Т р о е р у к о в. Не ходи...

Г у б и н. Идём, я хочу речь сказать. Я им скажу, болванам...

(Увидел Нестрашного, смотрит на него молча. Тот стоит, спрятав руки с палкой за спину, прислонясь спиной к стене. Несколько секунд все молчат, и слышен глухой голос в зале: "Могучие, нетронутые, почвенные силы сословия, которое...")

Г у б и н (как бы отрезвев). А-а-а... Порфирий? Давно не встречались! Что, брат? Вышиб меня из градских голов, а теперь и тебя вышибли? Да и кто вышиб, а?

М е л а н и я. Лексей Матвеич, время ли старые обиды вспоминать?

Г у б и н. Молчи, тётка! Что, пёс, смотришь на меня? Боишься?

Н е с т р а ш н ы й. Я дураков не боюсь, а на разбойников сила найдётся...

Г у б и н. Не боишься? Врёшь!.. Помнишь, как Егор Булычов по морде тебя...

Н е с т р а ш н ы й. Поди прочь, пьяница... (Замахнулся палкой.)

М е л а н и я. Одумайтесь...

Г у б и н (орёт). Ну, ладно! Давай мириться, Перфишка! Сукин сын ты... ну, всё равно! Давай руку. (Вырвал палку у Нестрашного.)

(Выскочил Мокроусов. Из двери буфета выглядывают люди, из зала вышел какой-то человек и строго: "Господа, тише!" Троеруков, сидя у стола, самозабвенно любит портретом. Нестрашный хотел уйти в зал, - Губин схватил его за ворот.)

Г у б и н. Не хочешь мириться? Почему, а? Что я - хуже тебя? Я, Лексей Губин, мужик самой чистой крови-плоти, настоящая Россия...

Н е с т р а ш н ы й. Пусти, собака...

Г у б и н. Я тебе башку причешу!

М о к р о у с о в (хватая Губина за руку). Позвольте... Что же вы делаете!

М е л а н и я (людям в дверях буфета). Разнимите их, не видите, что ли?

Г у б и н (оттолкнув Мокроусова). Куда лезешь? На кого руку поднимаешь, а?

(Нестрашный пробует вырваться из руки Губина - безуспешно. На шум из зала, из буфета выходят люди, в их числе - Достигаев с какими-то бумагами в руке. Из зала поспешно проходит Бетлинг под руку с Жанной, она испугана.)

Е л и з а в е т а (как всегда, весёлая, подбежала к мужу, спрашивает). Неужели дерутся?

(Он машет на неё бумагами. Мокроусов ударил кастетом Губина снизу по локтевому сгибу.)

Г у б и н (охнув, выпустил Нестрашного, орёт). Это - кто меня? Кто, дьяволы? Губина? Бить? (Его хватают за руки, окружают, ведут в буфет, он рычит.) Подожду... Жить не дам...

(Из зала сквозь толпу появляется Ольга Чугунова, древняя старуха, в тёмных очках, её ведут под руки сын Софрон, лет за 50, и другой, Константин, приблизительно такого же возраста. Оба в длинных, ниже колен, сюртуках, в нагольных сапогах. На публику эти мрачные фигуры действуют подавляюще.)

Мелания. Здравствуй, Ольга Николаевна!

Чугунова. А? Кто это? Мелания, кажись? Стойте, дети! Куда пошёл, Софрон?

Софрон. Кресло вам, маменька.

Чугунова. Константин подаст, я тебе не приказывала. Что, мать Мелания, а? Делается-то – что? Гляди-ко ты: нотарусы да адвокаты купечеству смиреннько служили, а теперь даже и не в ровни лезут, а командовать хотят нашим-то сословием, а? Воеводами себя объявляют... Что молчишь? Ты у нас бойкая была, ты – умная, хозяйственная... Не чужая нам плоть-кость...

Мелания (хрипло). Что я скажу?

Елизавета (мужу). Какая противная старушка-то...

Мелания (очень громко). Говорила я, говорю...

Достигаев. Её, старушку эту, весь город боится.

Чугунова. Кричи! Криком кричи! В колокола ударить надо. Крестный ход вокруг города надо...

Елизавета. Глупости какие! Идём?

Достигаев (берёт её под руку). Пошли... Ох, лизок! Взглядов нет, взглядов!

Чугунова. Всё кричите... Всем миром надо кричать.

Мелания. А где он – мир? Нет – мира...

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

В доме Булычова. Поздний вечер. Столовая. На столе – самовар. Глафира шьёт рубаху. Таисья перелистывает комплект "нивы" в переплёте.

Таисья. Это в сам-деле есть такой город Александрия, или только картинка придумана?

Глафира. Город есть.

Таисья. Столица?

Глафира. Не знаю.

Таисья. А у нас – две столицы-то?

Глафира. Две.

Таисья. Богатые мы. (Вздыхнув.) А – какие сволочи!

Глафира (усмехаясь). Сердитая ты девица...

Таисья. Я-то? Я – такая... ух! Я бы всех людей спугала, перепутала сплетнями да выдумками так, чтоб все они изгрызли, истерзали друг друга.

Глафира. Это зачем же надо?

Таисья. Так уж... Надо!.. Картинки-то вот выдумывают хорошие, а живут, как псы собачьи.

Глафира. Не все люди – одинаковы, не все на твою игуменью похожи.

Таисья. Для меня – одинаковы.

Г л а ф и р а. Тебе, Таисья, учиться надо, надо книги читать.

Т а и с ь я. Не люблю я читать.

Г л а ф и р а. Есть книжки очень хорошие, про хозяев, про рабочих.

Т а и с ь я. Я – не рабочая, да и хозяйкой не буду, – кто меня замуж возьмёт? А девицы – не хозяйствуют. Читать меня – боем учили. И розгами секли, и по щекам, и за волосы драли. Начиталась. Псалтырь, часослов, жития... Евангелie – интересно, только я в чудеса не верю. И Христос не нравится, нагляделась я на блаженных, надоели! (Пауза.) Ты что скупое говоришь со мной? Боишься, что я твои речи игуменьe перенесу?

Г л а ф и р а. Я не боязлива. Я – мало знаю, оттого и молчу. Ты бы вот с Донатом поговорила.

Т а и с ь я. Какой интерес, со стариком-то...

Д о н а т (с топором в руке, с ящиком плотничьих инструментов подмышкой). Ну, починил. А на чердаке – что?

Г л а ф и р а. Дверь скрипит. Звонцовым спать мешает.

Д о н а т. Фонарь давай. В кухне Пропотей торчит, чего он?

Г л а ф и р а. Игуменью ждёт.

Д о н а т. Ты бы угостила его чаем, поесть дала бы, голодный, поди-ка...

Г л а ф и р а. Видеть его дикую рожу не могу.

Д о н а т. Ты не гляди на рожу-то, а поесть – дай. Ты – послушай меня, не зря прошу! Позову его, ладно?

Г л а ф и р а. Твоё дело.

(Донат ушёл.)

Т а и с ь я. Вот, говоришь, Донат – хороший, а он – с обманщиком водится, с жуликом.

Г л а ф и р а (режет хлеб). Донату от этого плохо не будет.

Т я т и н (одет солдатом, голова гладко острижена, на плечах старенькая шинель). Шура – дома?

Г л а ф и р а. У себя. Калмыкова там...

Т я т и н (берёт кусок хлеба). Картинки смотришь, Тая?

Т а и с ь я (смущённо улыбается, но говорит грубо, задорно). Чего только нет в книге этой, а, поди-ка, выдумано всё для забавы?

Т я т и н. А вот горы, Альпы, тоже, по-твоему, выдуманы?

Т а и с ь я. Ну, уж горы-то, сразу видно – придуманы. Вон – снег показан на них, значит – зима, а внизу – деревья в цвету, да и люди по-летнему одеты. Это – дурачок делал.

Т я т и н. Дурачка этого зовут – природа, а вы, церковники, дали ему имя – бог. (Глафире.) Яков придёт, так ты, тётя Глаша, пошли его ко мне, на чердак.

Т а и с ь я (глядя вслед ему, вздохнув). С виду – тихий, а на словах озорник. Бога дураком назвал – даже страшно слушать!

Г л а ф и р а. Нравится он тебе?

Достигаев и другие. Максим Горький gorkiyтахim.ru

Т а и с ь я. Ничего. Хороший. С волосами-то красивее был. Хороший и без волос. И говорит обо всём очень понятно. (Вздыхнула.) Только всё не так говорит.

Г л а ф и р а. Разговаривай с ним почаще, он тебя добру научит.

Т а и с ь я. Ну, я не дура, знаю, чему парни девок учат. У нас, в прошлом году, две послушницы научились – забеременели.

Г л а ф и р а. И тебе, девушка, этого не миновать. Любовь людям в корень дана.

Т а и с ь я. Про любовь-то в песнях вон как горько плачут. Побаловал да убежал, это не любовь, а собачья забава.

Г л а ф и р а. Характерец у тебя есть, ума бы немножко.

Т а и с ь я. Ума с меня хватит.

(Донат и Пропотей – в деревенской сермяге, в лаптях, подстригся, неотличим от простого мужика, угрюмо озирается.)

Д о н а т. Садись.

Т а и с ь я. Преобразился как! Фокусник.

П р о п о т е й. При девке этой не стану говорить, она игуменье наушница.

Т а и с ь я (озлилась). Я – не девка, жулик! И – не уйду! Выслушаю всё и скажу игуменье, скажу! Она тебе задаст...

Д о н а т. Ты, девушка, будь умницей, – уйди! И ты, Глаха...

Г л а ф и р а (строго). Идём, Таисья.

Т а и с ь я. А я – не хочу. Мне велено за всеми присматривать, всё слушать. Выгоните меня, – я ей скажу: выгнали, значит – секреты были против неё.

Д о н а т (ласково). Милая! Чихать нам на твою игуменью. Ты сообрази: люди – царя прогнали, не побоялись, а ты их игуменьей стращаешь, дурочка! Иди-ко...

Г л а ф и р а. Не дури. Ты – что? Для игуменьи живёшь?

Т а и с ь я. А – для кого? Ну, скажи? Вот и сама не знаешь.

(Лаптев в дверях.)

П р о п о т е й. Мала змея, а – ядовита.

Д о н а т. А вот и Яша! Ну – попал в свою минуту! Вот, человек этот...

Л а п т е в. Как будто я его знаю...

П р о п о т е й. Знать меня – не диво. Я, как пёс бездомный, семнадцать лет у людей под ногами верчусь...

Д о н а т. Это – Пропотей...

Л а п т е в. Блаженный? Та-ак... Ловко, дядя, ты ерунду сочиняешь!..

П р о п о т е й. Это – не я. Это – один попик из пригорода, пьяница. Осипом звать. Гусевод – знаменитый...

Л а п т е в. Ну, наверно, и сам сочинял?..

П р о п о т е й. Сначала – сам, да не больно грамотен я. С голоса учился... стихам-то. В ночлежках, в монастырях...

Д о н а т. А чем раньше занимался, до блаженства?

Достигаев и другие. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Л а п т е в. До дурачества?

П р о п о т е й. Коновалом был. И отец у меня – коновал. Его во втором году харьковский губернатор засёк... выпороть велел, у отца на пятый день после того – жила в кишках лопнула, кровью истек. Я-то ещё раньше, года за три, во святые приспособился. Вот что... не знаю, как вас назвать?

Д о н а т. Люди.

Л а п т е в. Граждане.

П р о п о т е й. Вы – беды мне не сделаете?

Д о н а т. Ты – не сомневайся, рассказывай!

П р о п о т е й. Мне бродяга один, дьякон-расстрига, посоветовал: "Люди, говорит, глупы, к ним на боге подъезжать надобно, да непонятнее, пострашней, они за это и кормить и поить легко будут". Ну... Оказалось верно: глупы люди, да так, что иной раз самому за них стыдно бывало. Да и жалко. Живёшь сыт, пьян, нос в табаке, копеечки в руке, а вокруг – беда! Когда брюхо полно, так всё – всё равно. (Говорит всё более густо и угрюмо.) Однакож всё-таки... совесть-то скорбит. Я всю Россию из края в край прошагал, и везде беда, эх какая! Льётся беда, как Волги вода, на тысячи вёрст по всей земле. Облик человеческий с людей смывает. А я, значит, блаженствую, стращаю. Столкнёшься с кем поумнее, говоришь: что ж ты, мать твою... извините!

Л а п т е в. Ничего! Дуй, словеса знакомые.

П р о п о т е й. Привык с мужиками. Говаривал нередко: долго терпеть будете? Жги, дави всё вокруг! Теперь вот начинается что-то. И надоело мне блаженным быть.

Л а п т е в. Так.

Д о н а т. Страшал, страшал людей, да и сам испугался.

П р о п о т е й. Вроде этого. Хоша бояться мне как будто нечего, я битый козырь, на мне уж не сыграешь, они – хотят сыграть. Вот я к тебе... к вам пришёл. (Донат.) Меня сейчас очень привлекаете вы доверчивостью вашей к людям. Я на кирпичном заводе два раза беседу вашу слышал. И вас, товарищ, слышал на мельнице Троерукова, на суконной у Достигаева, в городском аду. Замечательно внятно говорите с народом. Ну, и господ слушал...

Л а п т е в. А они – как? Нравятся?

П р о п о т е й. Что скажешь? Конечно, может, и господам стыдно стало. Однако они свои сапоги на мои лапти не променяют.

Л а п т е в. Это – едва ли! Ну, а какое у тебя дело нам?

Д о н а т. Дело у него есть. Ну-ка прочитай...

П р о п о т е й (встал, согнулся, достаёт бумагу из-за онучи, развернул, читает нараспев и не глядя на бумажку).

Люди смятённые,

Дьяволы пленные,

На вечные муки осуждённые!

Выслушайте слово,

От чистого сердца,

От божьего разума сошедшее к вам...

Это – вроде как записка будет, а дальше – другой распев. (Откашлялся, понизил

Достигаев и другие. Максим Горький gorkiymaxim.ru
голос, гудит.)

На три города господь прогневался:

Он Содом, Гоморру – огнём пожёг,

А на Питер-град он змею послал,

А и та ли змея лютая,

Она хитрая, кровожадная,

Прозывается революция,

Сатане она – родная дочь,

А и жрёт она в сутки по ста голов,

Ох, и по ста голов человеческих,

Всё народа православного...

Л а п т е в. Ну – будет!

П р о п о т е й. Тут ещё много.

Л а п т е в. За эту песенку тебе рабочие голову оторвут.

П р о п о т е й. Об этом я и беспокоюсь... Вы-то как? От вас что мне будет?

Л а п т е в. Посмотрим. Это зависит от тебя.

П р о п о т е й. Да ведь я – что же?

Л а п т е в. Дай-ка бумажку-то. (Взял. Донату.) Тятин – был?

Д о н а т. Он здесь.

К с е н и я (идёт). Ба-атюшки! Кто это, ой! Пропотей! Да... как же это ты посмел? Яков, побойся бога! Донат – что же это?

Л а п т е в. Не кричите, мамаша. В чём дело?

К с е н и я. Да что вы таскаете в дом разных... эдаких? Каждый день кто-нибудь торчит! И – неизвестно кто, и неведомо – зачем? Как в трактир идут! Ведь он, Пропотей, отца крёстного твоего уморил... забыл ты?

Пропотей (ворчит). Уморил... Я многих купцов стращал – не умирали.

К с е н и я. И – не ворчи, не смей... Врёшь всё, обманщик, врешь. (Грозит пальцем.)

П р о п о т е й. А кто врать учил? Сестра твоя учила.

Д о н а т. Чего делать, яша?

Л а п т е в. Иди в кухню... нет, лучше ко Глафире! Я сейчас приду с Тятиным.

(Донат и Пропотей ушли.)

К с е н и я. Поп всюнощну – бегом служил, видно, в карты играть торопился. Пришла домой – дома песни рычат. Ох, Яков, строго спросит с тебя господь!

Л а п т е в. Вот что, мамаша...

К с е н и я. И не хочу тебя слушать! И не мамаша я тебе. Александру ты с Тятиным совсем разбойницей сделал.

Л а п т е в. Тятин – он может разбойников воспитывать! Это – любимое его дело.

К с е н и я. То-то вот!

Л а п т е в. Хотя Шура и до Тятина была озорная девица. Вот что, вы добрая душа...

К с е н и я. Глупая, оттого и добрая. Умные-то – вон они как, Звонцовы-то...

Л а п т е в. Обещали вы отдать мне ружья отцовы и одежонку его...

К с е н и я. Да – возьми! Возьми, покуда Варвара не продала. Она всё продаёт, всё...

Л а п т е в. Вы всё это Глафире сдайте – ладно? Звонцовы-то где?

К с е н и я. У Бетлингов. Варвара-то в Москве думает жить. Бетлинг с любовницей туда едут, ну и она...

Л а п т е в. Та-ак! Ну, я – иду...

К с е н и я. Погоди, посиди со мной. Сестрица-то моя – слышал? С архереем поссорилась. Говорят – выгнал он её, ногами топал...

Л а п т е в. Топал? Ногами? А-яй-яй! Из-за чего же это?

К с е н и я. Уж – не знаю.

Л а п т е в. Страшные дела! До свиданья...

К с е н и я. Да погоди!.. Убежал. (Оглядывается.) Людей- много, а я одна. Будто – кошка, а не человек.

(Глафира вошла, сердито схватила самовар.)

К с е н и я. Вот как ты... всё – с треском, с громом! Не подогревай, не хочу я чаю-то. Поела бы я чего-нибудь... необыкновенного. Да погоди, куда ты? Рассольника бы с потрохами, с огурчиками солёными. А потрохов – нет! И – ничего нет! (Глафира моет чашки.) Денег много, а пищу всю солдатам скормили. Как будем жить? Умереть бы мне, а умирать не хочется. Ты что молчишь?

Г л а ф и р а. А что я скажу? Мало я понимаю для того, чтобы вслух говорить.

К с е н и я. И я – ничего не могу понять. Я и думать-то ни о чём не умею, кроме домашнего. Ты-то врешь, что не понимаешь. Ты – умная, за это тебя и любил покойник Егор.

Г л а ф и р а. Опять вы про это...

К с е н и я (вдумчиво). Да-а... Про это. Вот – была ты любовницей мужа моего, а у меня против тебя – нет сердца.

Г л а ф и р а (страстно). Разломать, раздробить на мелкие части надо всё, что есть, чтобы ахнули, завывали бы все, кто жизни не знает, и все жулики, мучители, бессовестные подлецы... гадость земная!

К с е н и я (испуганно). Ой, да что ты? Что ты озверела? Слова тебе сказать нельзя...

Г л а ф и р а. Да не на вас я, не на вас! Вы – что? Вы – безобидная. Из вас тоже душу вытравили. Разве вы по-человечески жили?

К с е н и я. Ну, уж извини! Жила – как все люди...

Г л а ф и р а. Не о том я говорю! Вот Таисья... До чего обозлили девчонку! Изувечили... На всю жизнь...

К с е н и я. Кто это по-человечески-то живёт? Звонцовы, что ли? Они только об

Достигаев и другие. Максим Горький gorki.ucoz.ru
одном думают, как бы тебя из дома выгнать, да как бы Шурке навредить, да к настоящим господам присосаться...

Г л а ф и р а. Эх... всё – не то, не о том! (Схватив самовар, ушла.)

К с е н и я (оглядываясь). Обозлилась как!.. Всё не на своём месте. Как перед праздником – уборка. (Встала, идёт к себе.) Или на другую квартиру переезжать собрались.

(Донат и Рябинин, человек лет за 40, лысоватый, был кудрявым. Говорит не торопясь, с юмором. Всегда или курит, или свёртывает "козью ножку", или же держит в руках какую-нибудь вещь, играя ею.)

К с е н и я. Господи, – опять, Донат, привёл ты какого-то...

Р я б и н и н. Здравствуйте, хозяйка! Я – водопроводчик.

К с е н и я. Днём приходил бы...

Д о н а т. Некогда было ему днём-то.

Р я б и н и н. Я только взгляну – в чём дело, а работать завтра буду.

К с е н и я (уходя). В воскресенье-то? Неверы! Безбожники!

Р я б и н и н. Сердитая! Значит – решили: часов в шесть утра посылай наших солдат, они заберут муку и отвезут половину – себе, половину – на фабрику, прямо в казарму. Бабы сразу увидят, что большевики не только обещают, а и дают. Ясно, леший?

Д о н а т. Понял. Тебя, слышно, прогнали сегодня с митинга-то?

Р я б и н и н. Был такой случай. Силён эсер в нашем городе!

Д о н а т. Изобьют тебя когда-нибудь.

Р я б и н и н. Это – не исключается.

Д о н а т. Помириться-то с ними – нельзя?

Р я б и н и н. Никак. Вот вышибем из совета, ну, тогда, может быть, они сами захотят мириться.

Д о н а т. Трудно мне понять ваши дела.

Р я б и н и н. Вижу. Тебе, малютка, следовало бы эсером быть, ошибочно ты с нами.

Д о н а т (сердито). Моя ошибка – не твоё дело.

Р я б и н и н. Не моё? Мм... Ну, ладно. Что же – чайку-то?

Д о н а т. Сейчас.

Р я б и н и н. И – поешь! Аппетит у меня – очень хороший, а поешь нечего.

(Донат в двери столкнулся с Шурой, она остановилась, улыбаясь смотрит на Рябинина.)

Д о н а т. Это товарищ Пётр...

Ш у р а. Я – знаю. Здравствуйте!

Р я б и н и н. А я – слышал про вас. Вот вы... какая...

Ш у р а. Рыжая?

(Калмыкова – скромно одета, лет 30–35.)

Р я б и н и н (отвернулся от Шуры). Я тебя, Галочка, целый день ищу...

К а л м ы к о в а. Слушай-ка, Пётр... (Отводит его в сторону, шепчутся.)

Л а п т е в (входит, к Донату). Ну, с блаженным я кончил! Тятин статейку напишет о нём.

Д о н а т. Ты Расскажи-ко Петру про него.

Л а п т е в. Всё-таки он – жулик, блаженный-то.

Д о н а т. Привычка.

Л а п т е в. И, наверно, шпион...

(Глафира вносит самовар.)

Ш у р а (Лаптеву). Яков, послушай.

Л а п т е в. Подожди... (Отошёл к Рябину и Калмыковой. Шура нахмурилась, закусил губу.)

Г л а ф и р а. Игуменя приедет ночевать.

Ш у р а. Да? Это... неудобно! Кто сказал?

Г л а ф и р а. Таисья. Ты бы поговорила с ней, приласкала.

Ш у р а. Я – не ласковая.

Г л а ф и р а. Она – злая, навредить может.

Ш у р а. Кому?

Г л а ф и р а. Всем.

К а л м ы к о в а. Ну, до свиданья, Шурок, иду...

Ш у р а (вполголоса). О чём вы шептались?

К а л м ы к о в а. Дела такие, – секретные.

Ш у р а (заносчиво). У вас всегда будут тайны от меня?

К а л м ы к о в а (строго). Ты снова об этом?

Ш у р а. Я спрашиваю: всегда?

Р я б и н и н (громко Лаптеву). Это вы оба наерундили!

К а л м ы к о в а. А я спрашиваю: ты способна серьёзно отнестись к великому и опасному делу, к великим мыслям, ко всему, что пред тобой открывается? Это тебе нужно решить сразу и навсегда. Наступают решительные дни. Подумай. Не способна – отойди.

Ш у р а. Мне обидно, Галина!

(Рябинин прислушивается.)

К а л м ы к о в а. Что – обидно?

Ш у р а. Чувствовать себя чужой...

К а л м ы к о в а. Переломи своё детское самолюбие, пора!

Ш у р а. Я хочу скорее понять всё и работать, как ты.

Достигаев и другие. Максим Горький gorkiymaxim.ru

К а л м ы к о в а. То, что я понимаю, я понимала почти двадцать лет. И – не скажу, что уже всё поняла. Я предупреждала: тебе будет трудно. Ты мало читаешь и вообще... плохо учишься. У меня складывается такое впечатление: ты хочешь идти не с пролетариатом, а впереди него.

Ш у р а. Неправда!

К а л м ы к о в а. Боюсь, что правда. Впереди пролетариата – позиция Ленина и подобных ему. Подобных – немного, единицы, и каждый из них прошёл долголетнюю школу тюрем, ссылок, напряжённой учебы...

Ш у р а. Не сердись. Мне кажется, что ты и Яшка смотрите на меня как на временную полезность.

К а л м ы к о в а. Ну... Всё – временно! Прощай, я тороплюсь. Подумай о себе, Шурка. Ты – хороший, волевой человек, ты можешь быть очень полезной, но – нужно образумить волю. Иду.

Г л а ф и р а. Выпили бы чаю...

К а л м ы к о в а. Спасибо, Глаша, некогда. Вот – булку возьму. И сахару.

Ш у р а. Возьми весь.

К а л м ы к о в а (усмехаясь). Не великодушничай. (Ушла).

Р я б и н и н. Значит – так: стишки – к чертям собачьим! Сам сообрази: зачем печатать вредную ерунду, если можно её не печатать? И никаких статей об этом блаженном болване – не надо. Так и скажи Тятину. Беги. Ну-с, теперь хлебнём чайку... (Шуре.) Угощайте!

Ш у р а. Пожалуйста...

Г л а ф и р а. Вот – поешьте сначала. Водки выпьете?

Р я б и н и н. Очень выпью! Редчайшая жидкость. И – даже ветчина? И горчица? Вполне Валтасаров пир!

(Шура взволнованно ходит. Рябинин, взглянув на неё, подмигивает Глафире, та неохотно усмехается.)

Г л а ф и р а. Кушайте. (Пошла за водкой.)

Р я б и н и н. Нацеливаюсь. Вот докурю и начну. (Шуре.) Хороший старикан – Донат! Прозрачный старикан. Продумал, пропустил сквозь себя кучу вреднейшей ерунды и – достиг настоящей правды. Во Христа веровал, в хозяев и царей, во Льва Толстого. "Для бога жил – толка не вышло, говорит, теперь попробую для бедных людей жить". Простой егерь, испытал власть помещика. Воля у него была к правде, и взнуздан он волю отлично! (Шура подошла к столу, села. Глафира принесла водку.) Хорошо он с молодёжью говорит, с рабочими. Самые трудные мысли от него легко входят в людей. (Указывая пальцем на Глафиру, Шуру, на себя.) Ты – сработал, я – купил, ей – продал, кто нажил? Я нажил! Ловко?

Ш у р а. Этому учит Маркс.

Р я б и н и н. Не только этому и не совсем так, но – именно это надобно понять прежде всего.

Г л а ф и р а (вполголоса). Таисья идёт.

Ш у р а. Ах... чёрт!

Г л а ф и р а. Вы при ней поосторожнее.

Р я б и н и н. Соображаю.

Т а и с ь я. Темно как!

Достигаев и другие. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Р я б и н и н. Мы освещаемся мыслями, беседуем.

Т а и с ь я. А вы кто будете?

Р я б и н и н. Водопроводчик. Молодая хозяйка чай пить пригласила меня.

Т а и с ь я. Александра Егоровна не хозяйка, хозяйка-то – Варвара, старшая сестра её.

Ш у р а. Нижний этаж – мой и матери.

Р я б и н и н. Так. Значит, ошибся я? Ну, что же? Теперь, заметно, молодёжь собирается хозяйничать везде, вот я и ошибся.

Т а и с ь я. Это – которая развращённая молодёжь-то, у которой ни бога, ни царя.

Р я б и н и н. Вот что-о? А вы, значит, в бога верите?

Т а и с ь я. Конечно. А ты – нет, что ли?

Р я б и н и н. Я как-то так... Неудобно как-то верить, бог у нас... сомнительный! Незаконнорождённый будто...

(Шура усмехается.)

Т а и с ь я. Ну, что это ты говоришь!

Р я б и н и н (размышляет). Выдали девушку за старика Иосифа, а родила она как будто от архангела Гавриила...

Т а и с ь я. От бога-отца – что ты!

Р я б и н и н. Да ведь он – бесплотен, бог-отец-то! Мы о Христе говорили, о боге, который пил, ел, по земле ходил. В местах, откуда я родом, на незаконнорождённых нехорошо смотрят. А у вас как?

(Шура хохочет, Глафира шьёт, наклонив голову.)

Т а и с ь я (ошеломлена, переходит на "вы"). Лысый вы, а... какое еретическое говорите!

Р я б и н и н. Ну, что же особенное сказал я? Думаешь, думаешь... Все твердят: бог, бог, – а друг на друге верхом ездят.

Т а и с ь я. Бог... незаконнорождённый! Страшно слушать. В такое лютое время...

Р я б и н и н. По-моему, в такое время надобно бесстрашным быть.

Т а и с ь я. Страшные вы все! Даже и старики. Будто не русские. Русские-то смиренные.

Г л а ф и р а. Это – смиренные перетряхнули монастырь-то ваш?

Т а и с ь я. Там – солдаты были, они – с голода!

Р я б и н и н. А если б голодные рабочие были?

Т а и с ь я. У рабочих-то ружей нет.

Р я б и н и н. Значит – за малым дело, за ружьями? Так что, если голодный народ достанет ружья да потревожит сытых, богатых...

Т а и с ь я. А – мне что? У меня ничего нет. И не будет.

Т я т и н (входит). Игуменья приехала.

Ш у р а. Чего же вы испугались?

Т я т и н. Я сообщаю неприятную новость.

(Таисья быстро уходит.)

Р я б и н и н. Это – знаменитая Меланья?

Г л а ф и р а. Да.

Р я б и н и н. Может – мне уйти, а?

Ш у р а (горячо). Почему?

Г л а ф и р а. Таисья скажет игуменье...

Ш у р а. Ну, и что же?

Р я б и н и н. Что – скажет? Я – водопроводчик.

Т я т и н. Это – для детей. Она, вероятно, видела вас где-нибудь.

Р я б и н и н. Значит – исчезнуть надобно? Эх, чёрт... А Донат сказал, что у вас ночевать можно...

Ш у р а. Можно, можно! Глаша – на чердаке, да?

Г л а ф и р а. Там – хорошо, только не топлено.

Р я б и н и н (Шуре). Ну, решайте: уходить или оставаться.

Ш у р а. Оставайтесь! Послушайте, вы – замечательный! Я не думала, что вы такой хитрый, весёлый... такой простой... как шар! Я...

Р я б и н и н (Тятину). Расхвалила, точно покойника...

Ш у р а. Страшно рада, что вы такой!

Р я б и н и н. И я рад, что не хуже.

Г л а ф и р а. Пойдёмте. Я вам кушать туда принесу.

Р я б и н и н. Минуточку. Товарищ Тятин, – листовку вы написали слишком мягко да и вычурно! Ведь это – не для студентов. Надо писать так, чтоб малограмотный понял и безграмотному смог всё точно рассказать. Чуете? И – вот что. Этот ваш – Любимов, что ли? – дрянь! Он – кто? Студент?

Т я т и н. Коммерческое училище кончил.

Р я б и н и н. Дрянь. На лесопилке какой-то попик, замухрышка, выступал, очень злой, так ваш приятель...

Т я т и н. Он не приятель мне.

Р я б и н и н. Ну, – всё равно! Он предложил мне пристрелить попа. Спрашиваю: зачем? Для возбуждения храбрости, говорит. Вот, – свинья! Для возбуждения храбрости, идиот! Вы его отшейте, нам таких – не надо! Обязательно – к чёрту! К эсерам... Ну, я готов на чердак... (Уходит с Глафирой.)

Ш у р а. Какой... милый! Вот – настоящий!

Т я т и н. Готово.

Ш у р а. Что? Что готово?

Т я т и н. Опьянение восторгом.

Ш у р а. Что это значит?

Т я т и н. Это значит, что отец ваш был сумасброд.

Ш у р а. Не смейте об отце!

Т я т и н. И сумасбродство отца передалось вам.

Ш у р а. И что же?

Т я т и н. Вы избалованная, капризная девица.

Ш у р а. Купеческая дочь. Ну-с?

Т я т и н. Вы не хотите серьёзно учиться...

Ш у р а. Это мне уже говорили сегодня. Ещё что?

Т я т и н (махнув рукой). Бесплезно говорить. До свиданья.

Ш у р а. Тятин, – становитесь на колени.

Т я т и н. Что?

Ш у р а. Станьте на колени.

Т я т и н. Зачем? Что такое?

Ш у р а. Станьте. Живо! А то – начну посуду бить, заору на весь дом и вообще... наделаю ужасов. Ставай!

Т я т и н. Конечно, вы можете наскандалить...

Ш у р а. Ставай на колени, Степан Тятин! (Толкает его.)

Т я т и н (опускаясь). Напрасно вы делаете из меня шута...

Ш у р а. Повторяйте за мной: "Шура, я тебя люблю..."

Т я т и н (угрюмо). Перестаньте дурить. Уеду я из этого проклятого города!

Ш у р а. Повторяйте: "я люблю тебя, Шура, дефективная купецкая дочь, взбалмошная девица..."

Т я т и н (хочет подняться). Да перестаньте же... с ума вы сошли!

Ш у р а (с яростью). "Люблю, но жульнически боюсь сказать тебе это!" (Толкает его в плечи.) Не смей подниматься! Повторяй: "я благодарю тебя за то, что ты меня заставила..."

Т я т и н. Идите вы к чёрту!

Ш у р а. Сейчас начну бить посуду! Считаю до трёх, раз...

(Шум в прихожей, кто-то запнулся.)

Ш у р а (уходя, грозит кулаком). Это не кончено! Это повторится.

Д о с т и г а е в (в двери). Ты что это, Степаша, ползаешь?

Т я т и н. Потерял...

Д о с т и г а е в. Что – потерял?

Т я т и н. Н-не знаю. Вынул платок, а оно упало. В общем – чепуха...

Д о с т и г а е в. Похоже. Да, да, – если карман полон – не знаешь, что теряешь. Как живём? Жарок у тебя, температурка?

Т я т и н. Голова... немножко... В общем – ничего...

Достигаев и другие. Максим Горький gorkiy.ucoz.ru

Д о с т и г а е в. Немножко голова-то? Ну, это - пройдёт. Раньше ты по правде да по чести говорил, а теперь всё говоришь в общем. Новеньким присловьем обзавёлся. А - в чём, в общем? Мы все будто в общем живём.

Т я т и н (угрюмо). Чаю - хотите?

Д о с т и г а е в. Благодарствую. Самовар-то холодный. Павлин рассказывает, что в Петрограде неладно, - ты ничего не слыхал?

Т я т и н. Нет.

Д о с т и г а е в. Наверно, слышал, да сказать не хочешь. Мелания приехала? (Тятин кивает головой.) Имею желание видеть Меланию. А ты, Степаша, к большевикам приспособился, к пр-ролетариям? Ну - как? Удобно с ними?

Т я т и н. Подите вы к чёрту!

Д о с т и г а е в. Зачем сердиться, душа моя? Сам - к пролетариату, а меня - к чёрту? (Идёт.) Рыба ищет - где глубже... селёдка - где солонее...

Т я т и н (стоит, окаменев. Бормочет). Дурак ты, Степан... До слёз дурак... (Сел к столу, налил чаю в стакан, захлопнул "ниву".)

Т а и с ь я (идёт нерешительно, бесшумно, подошла). Можно вас спросить?

Т я т и н (вздрагнув). Спросите.

Т а и с ь я. Лысоватый этот - кто таков?

Т я т и н. Человек.

Т а и с ь я. Я - знаю. Теперь, слышно, многие переодеваются, не в своём виде живут...

Т я т и н (сердито). Это кому интересно: игуменье или - вам?

Т а и с ь я. Мне. Я про него игуменье не сказала.

Т я т и н. А узнав, кто он, скажете? Вы бы, Таисья, бросили шпионство. Это дело - не похвальное. И - на кой дьявол нужна вам эта... волчиха, игуменья? Она вас по щекам хлещет, а вы служите ей, как собачка... на задних лапках. Она - купчиха, дисконтёрша, ростовщица... вообще - гадина! Неужели вы не видите, не чувствуете, как издеваются над... вами? Уйдите от игуменьи... пошлите её ко всем чертям!

Т а и с ь я. А - куда я денусь?

Т я т и н. Найдёте место, работу...

Т а и с ь я. А чего делать?

Т я т и н. Дела - много. Вам учиться надо. Вот - Глафира, почти вдвое старше вас, а - читает, учится.

Т а и с ь я. Учится, а сама говорит: ничего не знаю.

Т я т и н. Узнают - не сразу. Что вы на меня смотрите... так?

Т а и с ь я. Глаза у вас очень грустные.

Т я т и н. Ну, это... Голова болит...

Г л а ф и р а (вбежала, тревожно). Степан Николаич, - Пётр, должно быть, уборную искал и наткнулся на игуменью, прямо в приёмную к ней влез, а там Достигаев, - слышите, как кричат?

Т я т и н. Н-ну... что же делать?

Т а и с ь я. Ой... Задаст она мне...

Г л а ф и р а. Молчи, ты... Сюда идут.

Т а и с ь я. Спрячусь... (Убежала.)

(Рябинин, за ним – Мелания, Достигаев.)

Р я б и н и н (спокойно). Вам, тётка...

М е л а н и я (бешено, задыхаясь). Я тебе не тётка.

Р я б и н и н. Вам приказано защищать власть торгашей, ростовщиков, да вы и сама из этой шайки...

М е л а н и я. На мне – чин ангельский, дура-ак. Шайка! Слышал, Василий, а?

Р я б и н и н. А вот мы должны уничтожить бесчеловечную власть.

Д о с т и г а е в. Это вам – кем же приказано?

М е л а н и я. Кто приказал? Безумец – кто тебе приказал, кто?

Р я б и н и н. История. Классовое, революционное сознание рабочих...

М е л а н и я. Ленин приказал? Слуга дьявола?

Д о с т и г а е в. Дьявола можно оставить в стороне, вот – немцы как?

Р я б и н и н (Тятину). Заплутался я. Как тут выйти, куда?

Д о с т и г а е в. Позвольте... Минуточку! Прошу слова, давайте побеседуем тихо. Спокойно, мать Мелания, спокойно. Ругаться – просто, ругаться – легко, с этим – всегда успеем...

М е л а н и я. Не ругаться надо, а...

Р я б и н и н. Драться. Правильно, мамаша. Стенка на стенку. Ну-с?

Д о с т и г а е в. Я вас, товарищ Рябинин, слушал на митингах и уважаю!

Р я б и н и н (Тятину). Кажется, вот в таких случаях говорят: благодарю, не ожидал!

Д о с т и г а е в. Нет, давайте серьёзно. Сознание рабочих? Допустим. Ну, а – мужичок? Как мужичок-то насчёт сознания? Вот вопрос!

Р я б и н и н. Интереснейший вопрос. И – что же вы ответите?

Д о с т и г а е в. А – вы? Это – к вам вопросец. Вот-с, видите, эсеровская газетка "Серая шинель" – знаете? Вот – в ней карикатурка на Ленина, на Красную гвардию. И о немецких деньгах пишется...

Р я б и н и н. Глупость да подлость ещё не убиты, живут. Подлость на глупости растёт.

М е л а н и я. Ну, чего ты с ним говоришь? Что он может понимать, разбойник? Вломился ко мне. Кабы тебя, Василий, не было...

Р я б и н и н (Тятину). Вон она куда погибает...

Т я т и н. Идём.

Д о с т и г а е в. Тихо, Степаша, тихо! Оставим вопрос, товарищ Рябинин, пусть он стоит. А вот ответ – какой? На чём мужичок с помещиком помириться может? На земле? Трудно. Как вы думаете?

Р я б и н и н. Трудновато.

Д о с т и г а е в. А – рабочий с фабрикантом? Тут как будто иное дело, а? Как будто легче, а?

Р я б и н и н. Так, так, так! Интересно придумано.

Д о с т и г а е в. Я, конечно, шучу.

Р я б и н и н. Понимаю. Любопытно шутите!

Д о с т и г а е в. Я весёлый, уживчивый. А вы меня хотите бесповоротно уничтожить.

Р я б и н и н. Именно так. Вас и всех, иже с вами.

Д о с т и г а е в. Ну – и куда же мы?

Р я б и н и н. Ваше дело. Пошли?

Д о с т и г а е в. Минуту! Однако надо же и нас к месту определить! Правительства содержат для негодных людей...

М е л а н и я. Тюрьмы, арестантские роты...

Д о с т и г а е в. Больницы, сумасшедшие дома...

Р я б и н и н. Наверное, вот ей, игуменье, да и многим из вас, вроде Нестрашного, придётся в тюрьме посидеть.

Д о с т и г а е в. Весьма прельстительное будущее у нас, мать Мелания!

М е л а н и я. Ах, зверь, ах ты, зверь адский...

Д о с т и г а е в. Трудно будет вам, товарищ Рябинин, хозяйствовать без помощи опытных людей.

Р я б и н и н. Найдутся. Ваши же, кто поумнее, станут честно работать с нами. Ну, довольно! Побеседовали.

Г л а ф и р а. Чёрным ходом идите, парадное крыльцо заколочено.

(Рябинин, Тятин ушли с Глафирой. Таисья выглянула из двери, скрылась.)

М е л а н и я. До чего дожили! И арестовать нельзя...

Д о с т и г а е в. Н-да. Нельзя. (Задумался.)

М е л а н и я. О, господи! За что?

Достигаев (соображает). Которые поумнее, спасутся, значит... Это всё-таки утешение... для дураков!

М е л а н и я. Ходит разбойник у всех на глазах, а схватить его запрещено. Что же это?

Д о с т и г а е в. Схватить – нельзя! Свобода.

М е л а н и я. Будь она проклята отныне и до века!

Д о с т и г а е в (ходит, ручки в карманах). Н-да... Хватать запрещается. И – бесполезно. В июле хватали, оно – снова вылезло! И даже как будто гуще. Ежели эдаких Рябининых найдётся тысяч пяток, десяток... А их может оказаться и больше... Н-да. Не схватишь. А вот, если ножку им подставить на крутом-то пути... на неведомой дороге?

М е л а н и я. Эх, Василий! Не то вы делаете...

Д о с т и г а е в. Хуже. Мы ничего не делаем.

М е л а н и я. Солдат поднимать надо.

Д о с т и г а е в. Не по силам тяжесть.

М е л а н и я. Царю было по силам и бессильному!

Д о с т и г а е в. Чёрт его, дурака, вогнал в эту войну! Нам с немцами надо в мире жить, учиться у них... Ума у царя не было, да - был хлеб! А у нас - ни ума, ни хлеба. Сожрала война хлебец-то. Иди-иоты!.. Мир надо заключить с немцами, а этот скопец, адвокатишко Керенский, ярится!..

М е л а н и я. С ума ты сошёл! Как это - мир! С немцами-то!

Д о с т и г а е в. Сначала - мир, а потом... Ага, хозяйка прибыла!

М е л а н и я. Что это у тебя, Варвара, в доме? Притон какой-то! Большевики ходят...

В а р в а р а. Что такое?

Д о с т и г а е в. А где муж, Варя?

В а р в а р а. На дворе с Алёшей, там кто-то чужой...

Д о с т и г а е в. Рябинин гуляет...

В а р в а р а. Нет? Ну, это, конечно, штучки Шуры и Тятина. Конечно, присутствие Тятина в доме - гарантия от разных неожиданностей со стороны его товарищей, но... Вообще, в доме чёрт знает что делается! Александра страшно компрометирует меня и Андрея... Я не знаю, что делать с ней... (Глухо звучит выстрел, второй.) Боже мой... Андрей... (Бежит.)

М е л а н и я (крестьясь). Кого это?

Д о с т и г а е в (держится за спинку стула). Ну, опять, как в феврале... защёлкали!

(Варвара и Алексей Достигаев ведут Звонцова, он - в изнеможении, задыхается. В руке Алексея - револьвер.)

З в о н ц о в. Я был вынужден... на меня бросились.

В а р в а р а. Ранен?

З в о н ц о в. Нет... Стрелял - я... Состояние самообороны... понимаешь?

М е л а н и я. В кого стрелял-то?

Д о с т и г а е в (сыну). Ты положи пистолет в воду.

З в о н ц о в. Я был вынужден... Это естественно...

В а р в а р а. Дайте воды!

М е л а н и я. Да - кто бросился-то на тебя?

Д о с т и г а е в (сыну). Я тебе говорю - положи пистолет! Вон - в полоскательную чашку положи!

З в о н ц о в. Оставь меня, Варя... Подожди!

М е л а н и я. Ничего не понимаю...

В а р в а р а. Это был - Рябинин, да?

З в о н ц о в. Ах, я не знаю... темно.

Достигаев и другие. Максим Горький gorkiymaxim.ru
(Рябинин ведёт Тятину, за ними Таисья, схватив руками свою голову. Глафира принесла воды.)

Р я б и н и н. Вы, гражданин Звонцов, что же это?..

З в о н ц о в (вскочил, в руке – стакан с водой). Я имел право... был вынужден. Вы сами схватили его, когда он бросился на меня.

Т я т и н. Чепуха, Андрей...

Р я б и н и н. Врёте вы! Никто на вас не бросался. Впереди шёл – я, а Тятин – сзади, сбоку. Сморгались вы из револьвера – в меня...

А л е к с е й. Это – верно, вы – поторопились.

(Достигаев дёргает сына за рукав.)

Т я т и н. Глаша, дайте что-нибудь перевязать руку.

(Глафира рвёт рубаху, которую шила. Рябинин снимает с него пиджак. Достигаев сердито шепчет сыну, Мелания – Варваре.)

Р я б и н и н. Эх вы... стрелок!

А л е к с е й. Это можно понять: темнота, неожиданность.

Р я б и н и н. Трусость тоже...

Ш у р а (в пальто, в шапочке). Что случилось? Тятин, что это?

В а р в а р а. Ничего опасного!

Д о с т и г а е в. Пустяки, Шурок! Видишь, он – на ногах.

Р я б и н и н. А вам, пожалуй, веселее было бы, если б он протянул ноги-то, а?

Т я т и н. В общем – чепуха! Даже не больно...

Г л а ф и р а. Идёмте отсюда. Ко мне идёмте. Доктора надо. Таисья, беги наискосок, дом девятнадцать, доктор Агапов.

(Таисья отрицательно мотает головой.)

В а р в а р а (Глафире). Прошу... не распорядиться. Как вы смеете!

Г л а ф и р а. Ну, ну-у! Не ори... барыня!

Ш у р а. Это – мой дом! Идите вон отсюда!

Т я т и н (через плечо). Не надо волноваться...

Р я б и н и н (уходя). Простить всё надо? Простить... Эх, Тятин-мамин... кисель!

(Глафира увела Тятину, Шура – бежит за доктором, Варвара за ней в прихожую.)

В а р в а р а. Подожди! Нужно уговориться... Что ты скажешь доктору?..

Ш у р а. Иди прочь...

Р я б и н и н (воротился, подошёл к столу, взял револьвер). Штучку эту я возьму себе, вам, граждане, она не годится, не умеете обращаться с ней. (Идёт.)

Д о с т и г а е в (сыну, вполголоса). Отними!.. дубина!..

(Алексей идёт за Рябининым нерешительно.)

М е л а н и я (Звонцову). Ну, что... раскис? Стыдился бы. Не убил ведь. А если б и убил – господь простил бы. Нет, – Шурка-то какова, дрянь, а? Вон гонит. Кого?

Достигаев и другие. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Тётку родную, а?

Т а и с ь я (вдруг подскочила к ней). Ты... Ты - стерва! И-их, ты... падаль!

М е л а н и я. Таиска... Да что ты?..

Т а и с ь я. Ну, бей! Не боюсь! Бей...

(Из прихожей на крик теснятся в столовую Варвара, Алексей, сзади всех - Рябинин.)

В а р в а р а (изумлена). Ах ты, дрянь!..

М е л а н и я (орёт, топая ногами). Диаво-ол! Цыц... Я тебя...

З в о н ц о в. Алёша, да выгони же девчонку!

Т а и с ь я. Старая собака! Волчиха! (Нашла слово удовлетворяющее.) Волчиха...

М е л а н и я (в полуобмороке). Прокляну...

Р я б и н и н. Bravo, девушка! Так её... Bravo, умница!

Т а и с ь я. Волчиха-а...

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

У Достигаева. Вечер. Большая, неудобная комната в задней половине дома, окна её выходят на двор или в сад. Камин, на нём горит спиртовая лампа, освещая мрачную репродукцию с Беклина: пузатые морские жители ловят морских девиц. Перед камином - карточный стол, А л е к с е й, посвистывая, раскладывает пасьянс. По обе стороны камина двери в тяжёлых драпировках; комната за левой дверью освещена слабо, за правой - совсем не освещена. Мягкая старинная мебель, на полу - ковёр, в одном углу - рояль, в другом полукруглый диван, за ним - фикус, перед ним - круглый стол, на столе незажжённая лампа. Рядом с диваном - маленькая дверь, оклеена обоями, теми же, как и стена, эту дверь почти не заметно. Из неё выходит А н т о н и н а с книгой в руке.

А н т о н и н а. Какой холодище... До чего всё бездарно! Начали революцию в феврале и всё ещё не могут кончить. А уже наступает ноябрь... Что?

А л е к с е й. Я ничего не сказал.

А н т о н и н а. В штатском ты - жалкий. Похож на полицейского чиновника, выгнанного со службы за взятки и кутежи... (Зажигает лампу.) Ты не помнишь - сколько времени французы делали революцию?

А л е к с е й. Не помню.

А н т о н и н а. Всё надо делать быстро и красиво или - ничего не надо делать. (Смешала карты.)

А л е к с е й (не сердясь). Свинья.

А н т о н и н а. Знаешь, я, кажется, застрелюсь.

А л е к с е й. Это не ты взяла у меня револьвер?

А н т о н и н а. До чего противно пьян явился ты ночью... ф-фа!..

А л е к с е й. Д-да... Выпили. Офицерство жутко пьёт. Знаешь, почему не выходит газета? Нестрашный перехватил вагон с бумагой и где-то спрятал его. Говорят, что, как только откроется Учредительное собрание, он устроит погром большевикам, совету рабочих. У него будто бы есть люди, и это они укокали блаженного Пропотея.

Достигаев и другие. Максим Горький gorkiymaxim.ru
А н т о н и н а (закурив папиросу). Всё это интересно... Шуре...

Д о с т и г а е в (из комнаты слева). А где Лизавета?

А л е к с е й. Пошла с Виктором наверх смотреть пожар...

Д о с т и г а е в. Иди, спроси её... позови! Да принеси ко мне в кабинет словарь на букву "д". (Оглядывается.) На кой пёс рояль, если на ней никто не играет? Тут бильярд должен быть, – самая холодная комната! Зря послушал я Лизавету, купил этот дурацкий барский дом...

А н т о н и н а. Ты, папон, напрасно обижаешь Лизу...

Д о с т и г а е в (собирая карты). Играли?

А н т о н и н а. Это Алексей, пасьянс. Лиза Виктору не интересна, Виктор женщинами сыт.

Д о с т и г а е в. Удивительно, – в кого ты родилась такой бесстыдницей?

А н т о н и н а. Лиза понимает, что Виктор охотится за моим приданым, и дразнит его, а он боится, что она его скомпрометирует в твоих и моих глазах...

Д о с т и г а е в (тасуя карты). Нет, ей-богу – замечательно! Никаких взглядов у тебя нет, а людей ты видишь голыми...

А н т о н и н а. У меня, папон, есть взгляд:

Прозябает человек,

Заедает чужой век,

А зачем он прозябает

Он и сам того не знает...

Д о с т и г а е в. Всё – стишки, шуточки, опереточки! А отец должен понимаешь: дол-жен! – сопоставлять, соображать, приспособлять, да! И вот ходишь ты перед отцом твоим с папиросой в зубах, и... ничего дочернего нет в тебе. Ничего нет! Поразительное дело! Тоже и Сашка Булычова... Не ночевала сегодня?

А н т о н и н а. Не ночевала.

Д о с т и г а е в. Жаль – помер Егор, пощипала бы дочка печёнку-то ему? Хотя... чёрт его знает, как бы он взглянул на этот фокус! Вон оказалось, что у него даже и не печёнка была, а... другое какое-то. Н-да, Шурочка!.. К большевикам приспособилась. Сестра из дома выгнала. Ну, хорошо, ты – на время – приютила её, а дальше что? Куда она?

А н т о н и н а. Вероятно, дальше с большевиками.

Д о с т и г а е в. До тюрьмы, до ссылки? Кстати, – не знаешь, почему её товарищи как будто притихли, а?

А н т о н и н а. Не интересовалась.

Д о с т и г а е в. Поинтересуйся, спроси её, узнай.

Е л и з а в е т а (из левой двери). Ой, какую вы тоску зелёную развели!

В и к т о р н е с т р а ш н ы й (весь новенький, в смокинге, говорит докторально). Разрешите закончить...

Д о с т и г а е в. Разрешаю, валяй!

В и к т о р. Я развиваю простую мысль: нигде в мире не читают так охотно, как у нас, можно сказать, что книга водка – главное питание страны...

Достигаев и другие. Максим Горький gorkiyamaxim.ru

Д о с т и г а е в (раскладывая пасьянс). Гм... Хотя врѣшь, но продолжай.

В и к т о р. У нас огромный книжный рынок, но нет издательства, которое широко понимало бы социально-воспитательную роль книги...

Д о с т и г а е в. Социально? По-оехали с горы!

В и к т о р. Которое догадалось бы монополизировать издательское дело и взяло бы на себя, – конечно, при финансовой помощи и указаниях правительства, – обязанность бороться против социалистической и вообще против антигосударственной литературы, всех этих Марксов и так далее. Очень странно, что перед войной, когда наша промышленность оживилась...

Д о с т и г а е в. Так, так, так...

В и к т о р. Вы – иронизируете?

Д о с т и г а е в. я? Не туда сунул валета и – наказан за это. (Мешает карты.)

(Алексей – возвратился, шепчется с мачехой, она отрицательно качает головой.)

В и к т о р (несколько обижен). Я совершенно убеждён, что право идеологического питания страны должно принадлежать тому слою общества, в руках которого сосредоточена промышленность и торговля...

Д о с т и г а е в. Право сажать на диету, значит? Например: ешь одну телятину? Читай только жития святых? Эх, Виктор, Виктор, – твоими бы устами да бордо пить, тёпленькое, сант-эстеп, ласковое такое винцо!

Е л и з а в е т а. Принести?

Д о с т и г а е в. Виктор – по-русски значит победитель? Просто всё у тебя, ясно и – правильно: монополия – полезна, социализм – штука вредная, сухая трава – сено. Однако надобно соображать не только о качестве, но и о количестве... Вот есть такие доктора, ядами лечат, – понимаешь? – ядами! Берут каплю наисильнейшего яду, распускают её в бочке чистой воды и дают больным воды этой по одной капле в сутки...

В и к т о р (неохотно). Это вы... очень остроумно...

Д о с т и г а е в. Ну, положим, не очень. И это – не я, а – доктора. А рассуждаешь ты – без учёта большевичков...

В и к т о р. Учредительное собрание раздавит их...

Д о с т и г а е в. Ой-ли?

В и к т о р. Неизбежно уничтожит.

Д о с т и г а е в. Та-ак! Но – ежели уничтожим всех мух – из чего слонов будем делать?

Е л и з а в е т а. Ох, Вася, не люблю, когда ты говоришь, как сумасшедший. Вино – сюда или в столовую?

Д о с т и г а е в. В столовую. (Смотрит на Виктора, Алексея, дочь.) Ну, вы тут идеологически пожуйте чего-нибудь, а в столовой выпьем... Лизавета, погоди-ка... (Ушёл вслед за женой.)

В и к т о р. До чего... живой человек Василий Ефимович!

А л е к с е й (угрюмо). Поживи с ним, – узнаешь, до чего!

В и к т о р. Вам нравится моя идея?

А н т о н и н а. Идея? Какая?

В и к т о р. Монопольного книгоиздательства?

А н т о н и н а. Разве это – идея? Это – торговля. Вы собираетесь торговать книгами, книгами торгуют так же, как сапогами, утюгами...

В и к т о р. А вы все мечтаете о высоких целях? Я допускаю, что – с какой-то высшей точки зрения – торговля книгами вульгарное дело. Но высшая точка только потому полезна, что, падая с неё, мечтатели разбиваются насмерть.

А н т о н и н а. Эта сентенция мне знакома. Не помню, у кого я прочитала её.

А л е к с е й. Не злись, Антошка!

А н т о н и н а. Я не злюсь. Мне холодно. (Ушла в маленькую дверь.)

В и к т о р. Дьявольски избалованы купеческие дочери.

А л е к с е й. Не все.

В и к т о р. Наиболее интересные.

А л е к с е й. То есть – богатые.

В и к т о р. Ты – проиграл вчера?

А л е к с е й. Да... чёрт! И платить – царскими. А где я возьму царских? Мачеха – не даёт.

В и к т о р (закуривая). Офицеры играют в карты подозрительно счастливо.

А л е к с е й. Напился я... Кто-то снял с меня часы, подарок отца. И револьвер пропал...

В и к т о р. Как думаешь: Антонина выйдет за меня?

А л е к с е й. Конечно. Куда же ей ещё?

В и к т о р. Тебе не кажется, что Александра Булычова дурно влияет на неё?

А л е к с е й. Едва ли... Антошка тянет куда-то в другую сторону.

Г л а ф и р а. Просят в столовую.

В и к т о р (удивлён). А эта зачем у вас?

А л е к с е й. Её Звонцова тоже выгнала, а у нас прислуга разболталась. Мачеха сманила Глафиру тотчас же после смерти Булычова. Что, тебе твоя новая мадам – дорого стоит?

В и к т о р. Не дёшево. Но – хороша, не правда ли?

А л е к с е й. Да. Идём?

В и к т о р. Чрезвычайно искусная любовница.

А л е к с е й. Слушай: зачем отец твой газетную бумагу спрятал?

В и к т о р. Ты знаешь, что дела моего родителя не интересуют меня. А вот твой эпикуреец "папон" шутит ветхозаветно и утомительно. И эта его манера прятаться в ерундовых словах всем известна, никого не обманывает...

(Ушли. Одновременно: из правой двери – Глафира, из левой – Елизавета, в руке – ваза с яблоками.)

Е л и з а в е т а. Вы что, Глаша?

Г л а ф и р а. Может – убрать нужно что-нибудь?

Е л и з а в е т а. Всё в порядке. Вот, несите в столовую, я сейчас приду. (Идёт

Достигаев и другие. Максим Горький gorkiymaxim.ru
к двери в комнату Антонины, дверь заперта, стучит.)

А н т о н и н а. Это – ты? Что?

Е л и з а в е т а. От Виктора запираешься? Вот болван, а? Уверен, что я готова открыть ему объятия, гусь копчёный! Ты что всё прячешься, Антошка? Нагрузились вы с Шурой книжками и живёте... безрадостно, как мыши! Брали бы пример с меня: глупая, а живу легко, и всё прощается мне...

А н т о н и н а. Должно быть – не всё, вон как утром отец кричал и топал ногами на тебя.

Е л и з а в е т а. Но ведь простил же! (Взяв падчерицу за плечи, встряхивает её.) Ой, Антошка, если б ты видела этого полковника Ермакова! Вот мужчина! Он и в штатском – воин! Глазищи! Ручищи! Знаешь, эдакий... настоящий, для зверского романа! Убить может! Когда я его вижу – у меня ноги дрожат... Нет, ты – вялая, холодная, ты не можешь понять... Василий Ефимович, конечно, должен ревновать, он – муж! Должен!

А н т о н и н а. Должен. В слове этом есть что-то общее с глаголом лгать. Долг, долгался...

Е л и з а в е т а. Ну вот, началась философия! Это ты у отца научилась словами играть. Но ведь он играет... для того, чтобы всех обыгрывать. А тебе бы, Антоня, послать все глаголы к чёрту да и жить просто, без затей! Ах, Тонька, кого я понимаю, так это Екатерину Вторую, царицу, вот умела выбирать собачек ко двору! (Прислушалась.) А отец... ты его не ценишь, не понимаешь...

(Достигаев – за портьерой в тёмной комнате.)

Е л и з а в е т а (потихе, но с жаром). Он – милый, с ним легко. Первый умник в городе, да! Он... как это? Еропукеец, что ли?

Д о с т и г а е в. Епи-ку-реец! Эх ты, изверг невежества!.. Что вы тут делаете?

Е л и з а в е т а. Тебя хвалим.

Д о с т и г а е в. Это вы и при мне можете, я – не стыдлив. Ты, лиса, иди-ка в столовую, там чёрт попа принёс неведомо зачем. Говорит поп, что в совете рабочих получены какие-то важные вести из Петрограда... будто бы случилось что-то чрезвычайное. Тебе, Антошка, Булычова-то не говорила, что затевают большевики?

А н т о н и н а. Вы второй раз спрашиваете меня об этом.

Д о с т и г а е в. И третий спрошу. Куксишься всё, дуешься, а – на кого? Выходила бы замуж за Виктора-то... за победителя! Парень в меру глуп и крепко богат, – чего ещё надо? Вертела бы им, как Варька Булычова Андрюшкой. Варька-то целится на эту, на француженку... как её? Читал в словаре вчера... забыл! Голову ей отрубили? Ну?

А н т о н и н а. Мадам Ролан.

Д о с т и г а е в. Ну да. Учитесь, а ничего не знаете. А то ещё была... Рекамье, на кушетке лежит. Время требует, чтоб к нему... приспособлялись. Ну... ладно! Пожар со спиртного завода на лесной двор перемахнул, зарево – огромное! Ставни у нас с улицы закрыты, а всё-таки в зале на полу красные полосы лежат... неприятно! И в столовой неуютно. Поди-ка, Антошка, распорядись, чтобы все сюда шли... подальше от улицы! (Антонина ушла.) Ну, что, лиса?

Е л и з а в е т а (искренно). Я тебе – не лиса, я с тобой – честная.

Д о с т и г а е в (шлёпая её ладонями по щекам). Ду-ура! Иной раз и честно, да неуместно.

Е л и з а в е т а. Я тебе, Вася, прямо говорю, и не первый раз: с тебя – хватит, а мне – мало!

Достигаев (сел). Ну... до чего же ты, подлая, бесстыдна!

Е л и з а в е т а. И не подлая, и не бесстыдная! Я правду говорю – ты умный, ты знаешь – правду!

Д о с т и г а е в. Да... чёрт тебя возьми вместе с правдой этой! Глупа ты... до святости, изверг естества! Ты – солги, да чтоб приятно было! Обидно мне или нет, что я – стар для тебя? Слышишь, как я с тобой говорю? Видишь, ну?

Е л и з а в е т а. Вижу. Всё вижу. И – понимаю. А лгать тебе – не стану. Солгу – ты поймёшь, и разрушится наша дружба, а твоя дружба мне дороже, чем твоя любовь...

Д о с т и г а е в. Эх, Лизка...

Е л и з а в е т а. Я от тебя никуда не отойду, и никто меня не сманит, никто! Я – знаю, другого такого, как ты, нет!

(Глафира – с подносом, на нём две бутылки, бисквиты в вазе, яблоки.)

Д о с т и г а е в. Ну... ладно! Молчи. И – вот что: Павлина – ты не дразни, оставь эту глупую твою привычку. Вообще – дразнить никого не надо, не такие дни. Лишнего не болтай. И пора бы тебе иметь взгляды. Оглядываться надо. Время опасное...

Е л и з а в е т а. Не умею я учиться, Вася! Да я и без науки ничего не боюсь, как та девица, которая поёт:

Трижды замуж выходила,

Не боялась ничего,

И четвёртый выйду – тоже

Ничего не побоюсь...

Д о с т и г а е в. Ты – не шути, не время для шуток! Взяла бы словарь, почитала. Вот, примерно, Дарвин, англичанин, он проводит такой взгляд: надо приспособливаться! Всё живёт, потому что приспособилось, а не просто: родилось, выросло и живёт... беззащитным дураком! (Антонина – с тарелками.) Тебя с Антошкой надобно посадить на идеологическое питание... на диету! Почему не идут сюда?

А н т о н и н а. Там спор с Павлином.

Д о с т и г а е в. Э, болваны... (Идёт. Елизавета – под руку с ним.)

Г л а ф и р а (из тёмной комнаты). Шура прислала товарища сказать, что она и сегодня не ночует здесь и не беспокоились бы вы. А если хотите видеть её – товарищ проводит вас. Она – в совете. Очень желает видеть вас.

А н т о н и н а. Нет, не пойду. Такая слякоть, холод. Придёт же Шура завтра... послезавтра? Ну – когда-нибудь? (Глафира молчит.) Начинается что-то серьёзное, Глаша?

Г л а ф и р а. Мне неизвестно.

А н т о н и н а. Вы тоже уйдёте к ним, да? А мне вот некуда идти. Ни с вами, ни против вас... не способна.

Г л а ф и р а (грубовато). Может – ошибаетесь вы? Посмотрели бы поближе на людей, которые верят и решают...

А н т о н и н а. Мне верить – нечем. У меня нет этого, чем верят. Я говорю, конечно, не для того, чтоб вы пожалели меня.

Г л а ф и р а. Я понимаю, что жалость мою вы за обиду себе приняли бы. Нет, я не жалею. А трудно мне понять – как это, почему? Жил человек свободно, читал книги какие хотел...

А н т о н и н а. И оказался ни к чему не способен, да?

Г л а ф и р а. Вы... не одна такая, много таких...

А н т о н и н а. Это вы – утешаете?

Г л а ф и р а. Нет, зачем же?

А н т о н и н а. А где эта смешная монашенка?

Г л а ф и р а. Она своё место найдёт...

А н т о н и н а. Ну, прощайте, Глаша!

Г л а ф и р а (удивлена). Я ведь не сегодня уйду.

А н т о н и н а. Скажите Шуре... нет, лучше я напишу ей...

Г л а ф и р а. Сейчас?

А н т о н и н а. После. (Ушла к себе.)

(Глафира, нахмурясь, смотрит вслед ей, делает движение к двери, но отмахнулась и пошла в комнату налево; уступает дорогу Павлину, Алексею, Виктору.)

П а в л и н (возмущённо). Прискорбно, весьма прискорбно, молодые люди, что вы так легкомысленно, с кондачка относитесь к слухам, столь грозным.

В и к т о р. Но – объясните: где же Керенский, войска?..

А л е к с е й. Министры?

П а в л и н. Объяснить я ничего не могу. Но верю в самое невозможное...

В и к т о р. Ну да, это верование – ваша профессия...

П а в л и н. О, боже мой, боже! Что приходится слышать! Повторю вам, да подумаете: разумом наделены мы от бога не для упражнений в бесплодном высокоумии, хотя подобает нам и ереси знать, да искуснейшими явимся противу еретиков...

Д о с т и г а е в (входит с бутылкой в руке). Значит: в Петрограде образовалось новое правительство, рабочее? Ну, что ж? Деды и прадеды наши из рабочих вышли, отцы с рабочими жили – трудились, почему же и мы не сумеем?

П а в л и н. Ох, Василий Ефимович, как неприятно шутите вы...

Д о с т и г а е в. Открой вот эту бутылочку, Алёшка, да не взболтай, винцо нежное! (Обнимает Павлина за талию, ходит с ним.) Ты чего боишься, пастырь душ наших?

П а в л и н. Помилуйте, – что за вопрос? Власть над Россией захвачена неизвестными людьми, из коих большинство – инородцы, иноверцы, а вы...

Д о с т и г а е в. А я не верю в это и ничего не боюсь!

П а в л и н. Не может быть, чтоб не боялись, противуестественно это...

Д о с т и г а е в. Подожди, – в чём дело? Жили мы шутя, за счёт дураков, ну вот: перебили дураков на войне, а которые остались – поумнели и просят к нам в долю, в компаньоны.

П а в л и н. Дразните вы меня, Василий Ефимович.

Д о с т и г а е в. Нет, ты – сообрази... Например – немцы. Чем немец силён? Тем, что по Дарвину живёт...

Достигаев и другие. Максим Горький gorkiymaxim.ru
П а в л и н. Ох, полноте! Давным-давно опровергнут Дарвин этот!

В и к т о р. Совершенно верно.

Д о с т и г а е в. Опровергнут? Не слышали об этом. Ну, пускай он опровергнут, а привычка к нему всё-таки осталась, и немцы отлично... приспособляются. Немец социалиста не боится, он и социалисту кушать дает. И - что же мы видим? У нас в шестом году кадеты уговаривали народ: не плати царю налогов, не давай солдат! Народ и ухом не повёл... да! А вот, немецкие рабочие, социалисты, в четырнадцатом году, глазом не моргнув, дали денег на войну.

П а в л и н. Позвольте... невразумительно это!

В и к т о р. Я тоже не понимаю: что общего видите вы...

Д о с т и г а е в. Ага? Вот видите? Нет общего-то!

В и к т о р. Но каков же смысл вашего примера?

П а в л и н. Постойте... что такое?

(Шум, возня где-то в доме.)

А л е к с е й. Это - в кухне. Пришёл кто-то.

П а в л и н (встревожен). Вот видите... вламываются!..

(Виктор - спокоен.)

Д о с т и г а е в (сыну). Иди, взгляни, кто там?

П а в л и н. Я говорю - всего можно ожидать.

Д о с т и г а е в. Для гостей - не поздно.

П а в л и н. Кто теперь в гости ходит? О, господи! Вскую оставил нас еси?

Е л и з а в е т а (вбегает, вполголоса, тревожно). Вася - представь: Порфирий Петрович и - Губин.

Д о с т и г а е в (удивлён). Гу-бин?

Е л и з а в е т а. Да, да!

П а в л и н. Разрешите удалиться, ибо считаю безумием риск встречи...

Д о с т и г а е в. Постой, дай сообразить...

Е л и з а в е т а. Ввалился, как слон.

П а в л и н. И, конечно, нетрезвый. Нет, уж я...

Д о с т и г а е в. Ты, Павлин Савельев, посиди, не сожрёт он тебя! Нет, ты останься...

Е л и з а в е т а (берёт попа под руку). Я буду защищать вас...

(Входят: Губин, нестрашный, Алексей.)

Г у б и н. А-а, Павлин... Ну, ладно, не бойся... Не до тебя. Здорово, Василий...

Д о с т и г а е в. Вот не ожидал! Рад... очень рад...

Г у б и н. Ну, где там - рад? Чему - рад?

Н е с т р а ш н ы й. Для радости, Василий Ефимович, - поздно! Здравствуй-ко!

Г у б и н. Ты, Перфил, начинай сразу.

Д о с т и г а е в. В чём дело, а? Что это вы... не щадя себя, так сказать...

Н е с т р а ш н ы й. Говори ты, Алексей Матвеич, я - сейчас! (Отводит сына в сторону.)

Д о с т и г а е в. Ночью... обеспокоились, а?

Г у б и н. Пришли... на поклон хитрости твоей... хитроумию...

Н е с т р а ш н ы й (сыну). Лошадь - у ворот. Езжай, скажи, чтоб вагон с бумагой гнали тотчас, знаешь - куда? По документам в вагоне - сода. Наборщики готовы? Действуй. Я дождусь тебя здесь. Один по городу не ездят, возьми кого-нибудь. Иди. Осторожно.

Г у б и н (тяжело, угрюмо). Слухи оказались - верны. И чем хуже слух, тем боле в нём правды... всегда так было... всегда и все на худой конец живём!

П а в л и н. Глубоко правильно...

Г у б и н. Ты всё-таки молчи, Павлин!

Н е с т р а ш н ы й (звонко). Ну, слышал? Правительство - арестовано, солдаты с рабочими разграбили и подожгли Зимний дворец, Керенский бежал...

Г у б и н. А что нам делать?

Д о с т и г а е в. Ай-яй-яй! Что же это происходит, граждане, а? Отец Павлин - каково? И... и все бегают! То - один, то - другой. Нашалит и бежать! Звонцов-то, губернатор наш, в Москву удрал...

Г у б и н. Ты - не юли, не вертись...

Н е с т р а ш н ы й. Мы пришли посоветоваться... Ты у нас впереди смелых числишься. К твоим словам люди внимательны.

П а в л и н. Присоединяюсь к сей оценке! Вас, Василий Ефимович, послушают, за вами пойдут...

Г у б и н. Нет... ты, поп, молчи!

(Елизавета пробует открыть дверь в комнату Антонины. Манит пальцем Алексея. Он отмахнулся, не подошёл.)

Д о с т и г а е в. Я, конечно... очень благодарен за доверие... Что же предполагаете вы начать? Ты, Порфирий Петров, старый воевода - сколько лет командуешь союзом-то Михаила Архангела?

Н е с т р а ш н ы й. Время ли старые года и заслуги считать? Мы тебя спрашиваем: что это за комитет безопасности организовали в Москве? И кто здесь, у нас, комитет этот представляет? Ты, что ли?

Г у б и н. И о какой, чьей безопасности речь идёт?

Н е с т р а ш н ы й. С нами ты или с кадетами?

Д о с т и г а е в. Вопросов-то сколько, отец Павлин!

(Елизавета быстро ушла, захватив с собой Алексея.)

Г у б и н. Не тяни за душу, Василий!

Д о с т и г а е в. Считаю так, что основной вопрос: с кем я? Ответить - просто: ни с кем, только с самим собой.

Г у б и н. Врёшь!

Д о с т и г а е в. И о безопасности своей сам забочусь, не полагаясь на

Достигаев и другие. Максим Горький gorkiyтахim.ru
комитеты, я – сам себе комитет! Я – не Варвара Звонцова, – партию не представляю...

П а в л и н. Но, простите, вопрос, насколько я могу понять, касается вообще... верований ваших...

Д о с т и г а е в (обозлился). Верую в бога, но – предпочитаю коньяк. Это сказал один полковник, – очень хорошо сказал! И что значит – вообще? Сарай, что ли, куда всякую дрянь складывают за ненужностью её? Вообще!.. С кем – вообще? Для чего – вообще? Вы просите у меня совета? По какому делу? Вы что намерены делать?

Г у б и н. Отсидиваться. Обороняться.

Д о с т и г а е в. Люди есть у вас для этого?

Г у б и н. Вот – Перфил... говори ты, Перфил.

Н е с т р а ш н ы й. Офицера есть. Люди – найдутся.

Д о с т и г а е в. В каком числе? И – кроме количества, – качество надо знать!

Г у б и н. Он – выспрашивает, а сам ничего не говорит.

Д о с т и г а е в. Заметно, что около вас Мокроусов крепко трётся, а всем известно, что он – жулик.

Г у б и н. Честного дешёво не купишь.

Н е с т р а ш н ы й (решительно). Ну, вот что, Василий Ефимов, довольно вертеть хвостом...

Е л и з а в е т а (вбегает, останавливается и смотрит на всех молча, определяя: как, каким тоном сказать то, что она знает? Она – подавлена, но не очень огорчена и не испугана. Говорит негромко, как бы с трудом). Вася... Василий Ефимыч... Нет... это – невозможно!

Д о с т и г а е в (сердито). Что? ну, что такое?

Г у б и н (Нестрашному – ворчит). Подстроено что-то... фокус какой-то... я те говорил...

Е л и з а в е т а. Тоня умирает...

Д о с т и г а е в. Ты – что? Бредишь?

Н е с т р а ш н ы й. Разве она хворала?

П а в л и н. Но – позвольте! Как же это? Полчаса тому назад... она...

Г у б и н. Видал? Даже Павлин... не верит...

Е л и з а в е т а. Застрелилась.

Д о с т и г а е в. Антонина? Не... может быть!

Е л и з а в е т а. Ещё дышит... Алексей... за доктором...

Д о с т и г а е в. Где? (Бежит в тёмную комнату.)

Е л и з а в е т а. В угловой... (Идёт за Достигаевым, оглядываясь на всех.)

Н е с т р а ш н ы й (Елизавете). Какая же причина? Надо причину объяснить...

Г у б и н. Нет – каково? я тебя, Перфил, предупреждал – толку не будет!

П а в л и н. Не могу не сказать: весьма... необычное событие! Вполне здоровая девица...

Достигаев и другие. Максим Горький gorkiy.msk.ru

Н е с т р а ш н ы й. Ну, положим, она была взбалмошная, капризная...

Г у б и н. Ах, Васька, Васька... Вот как, Павлин, а? Всё, брат... лопається...

П а в л и н. Высокоумие, атеистическая мечтательность – причины таких и подобных фактов.

Г у б и н. Ну, что ж будем делать здесь, Перфил?

Н е с т р а ш н ы й. Подождём. Надо посмотреть.

Г у б и н. На дочь-то? (Налил вина, пьёт.) Я – не пойду, не хочу. Не люблю я покойников в доме.

Н е с т р а ш н ы й. Кто их любит...

Г у б и н. Надо так: помер, и сразу носи его в церковь, пускай там стоит. Верно, Павлин?

П а в л и н. Допустимо.

Г у б и н (вздыхнув). Фальшивый ты человек всё-таки! Все вы, попы, ябедники богу на нас, грешных.

Н е с т р а ш н ы й (думает вслух). Как же это произошло? Жили-жили, строили дома, города, фабрики, церкви... и – оказались чужие всем. И даже друг другу.

Г у б и н. То-то вот. Жаден был ты на власть, на славу...

Н е с т р а ш н ы й (тоскуя). Армию поили-кормили, чиновников, судей, губернаторов... полиции сколько...

Г у б и н. А – попов? Попов развели, будто – крыс. Мы, старообрядцы, беспоповцы... Впрочем... ладно! Не обижайся, Павлин, давай выпьем! {Павлин молча кланяется, чокнулись, пьют.}

Н е с т р а ш н ы й. А помнишь, Алексей Матвеев, как мы в шестом году забастовщиков смяли? Как отрезвел народ? Меня сам губернатор слушался. Я тут всех властей взнуздal...

Г у б и н. Да-а... размахнулся ты широко... Большую обнаружил ярость.

Н е с т р а ш н ы й. Теперь – понял? А тогда орал на меня в городской думе, человекоубийцей называл.

Г у б и н. Ну... Ладно. Было, прошло, да – снова пришло. С каторги-то всех воротили.

П а в л и н. Справедливость жестокости доказывается библией... Идут...

Д о с т и г а е в (в одной руке платок, в другой – конверт). Надо милицию, Лиза... Засвидетельствовать надо.

Е л и з а в е т а. Глаша побежала.

Д о с т и г а е в. Скончалась дочь моя... Порфирий Петрович... Да. Освободите меня. Не в силах я беседовать о делах посторонних...

Н е с т р а ш н ы й. Посторонних? Та-ак...

Г у б и н. Видал, Перфил? Вася и на покойнице играет... Идём, брат.

Д о с т и г а е в. Что болтаешь, Губин, дикое чудовище? Что значит играет? Поставь себя, Порфирий Петров, на моё место, – подумай, что Виктор твой погиб.

Г у б и н. Ну, чего там? Идём!

Е л и з а в е т а (вбегает). Солдаты!

Н е с т р а ш н ы й (угрюмо). Это – наши. Это Виктор за мной прислал.

(Елизавета шепчет о чём-то мужу.)

Д о с т и г а е в (громко). Однако – позволь! Как же это? Как же ты, Порфирий Петров, призываешь солдат в чужой – в мой дом, какое у тебя право?

Н е с т р а ш н ы й. Теперь правами не стесняются.

{Павлин незаметно скрылся в тёмную комнату.}

Д о с т и г а е в (возвышая голос). Что это значит: ваши солдаты? Чьи – ваши? Для чего?

Г у б и н. Трусишь, Васька? Хо-хо...

Д о с т и г а е в. Вы явились ко мне с-с-с фантазиями, которые я отказался даже выслушать, чему есть свидетель отец Павлин...

(Нестрашный, стукнув палкой в пол, медленно встаёт, выпрямляется, изумлён; а Губин хотел встать и – развалился, расплылся в кресле, глядя на всех по очереди непонимающими, вытаращенными глазами. В этой позе он остаётся до поры, пока его уведут, лишь изредка громко всхрипывая, как бы желая сказать что-то и не находя сил. Яков Лаптев стоит в правой двери, с револьвером в руке. Рядом с ним Бородатый солдат, лет 40, с винтовкой, две гранаты у пояса, он в лаптях. Вперед Якова протискивается молодой рабочий, смазчик вагонов или масленщик, чумазый, выпачканный нефтью, маслом, тоже с винтовкой. Несколько секунд молчания. Достигаев, приложив платок к лицу, опёрся плечом на Елизавету.)

Н е с т р а ш н ы й (сначала бормочет, потом визжит). Свидетель? А-га-а... Значит, ловушка? Ловушку ты устроил мне, Васька, Иуда, сукин сын, а? Ло-овко...

Д о с т и г а е в (тоже визжит). Я тебя – звал? Звал я тебя? Ты сам пришёл! Павлин – знает! Где он? Лиза!

(Лаптев говорит что-то Бородатому, тот счастливо ухмыляется, кивает головой.)

Н е с т р а ш н ы й. Губин! Верно ты сказал, тут что-то подстроено... Даже не поймёшь – как?

Л а п т е в. Вы, Порфирий Петров Нестрашный, – арестованы.

Н е с т р а ш н ы й. Чего-о? кем это? Ты кто? Какая власть?

Л а п т е в. Это вы узнаете там, куда вас отведут.

Е л и з а в е т а (быстро). Яков Егорович, подумайте, какое несчастье у нас: Антонина застрелилась!

Н е с т р а ш н ы й (усмехаясь, Губину). Слышишь? Власть-то Достигаевым знакомая...

Л а п т е в (удивлённо, не веря). Как это? Случайно?

Е л и з а в е т а. Нарочно, письмо есть для Шуры Булычовой, не знаете – где она?

Н е с т р а ш н ы й. Всё – свои...

Л а п т е в (Елизавете). Позвольте... Это – потом. Губин Алексей Матвеев тоже подлежит аресту...

Н е с т р а ш н ы й. А – Достигаев? Он – тоже купец, хозяин...

Л а п т е в. Товарищ Кузьмин, позовите конвой, – троих.

Н е с т р а ш н ы й. Всё-таки ты кто же? кем поставлен в командиры?

Достигаев и другие. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Л а п т е в. Ну, вы – не притворяйтесь, вы знаете, кто я. В списке людей, которых вы решили завтра уничтожить, я – на шестом месте. Сын ваш и Мокроусов – арестованы, нам всё известно. Разговоры здесь излишни, завтра поговорите.

Н е с т р а ш н ы й (грузно сел). Так... Завтра? Ладно. (Кричит.) Ну арестовал, ну? А... а ещё что? Каким судом судить будешь?

Б о р о д а т ы й. Ты – не ори! Мы на тебя не орём. Суд у нас будет правильный, не беспокойся. Ты, поди-ка, не помнишь меня? А я тебя с седьмого года помню...

Н е с т р а ш н ы й. Конюх... Харя...

Б о р о д а т ы й. Вот те и харя! И – конюх!

Н е с т р а ш н ы й. Всё-таки... Лаптев... Я вас знаю... Крестник Булычова. Всё-таки – за что?

(Входят Кузьмин и три солдата.)

Л а п т е в (пожимая плечами). Будет вам дурить! Вы подготовили вооружённое нападение на совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов... Ну, теперь удовлетворены?

Б о р о д а т ы й. Он, видишь, не знал этого! Делать – делал, а – не знал, дитё! Он – как дитё, играет, а чем? Того не понимает.

Д о с т и г а е в. Так вот с каким делом пришёл ты ко мне, Порфирий Петров? Вот в какое преступление против народа хотел ты втянуть меня?

Г у б и н (встал, бормочет). Ну, вот, Перфил, добился ты своего... Погубил меня...окончательно!

К у з ь м и н. А ну, дядьки, идёте! Где одежонка ваша? Шагайте бодро... собачьи дети!

Н е с т р а ш н ы й (толкнув Губина). Дурак! Ты – пьян. Ничего нам не сделают. Не посмеют!

Б о р о д а т ы й. Любит орать... Эхе-хе...

Л а п т е в. Где письмо Антонины?

(Достигаев подал письмо, прикрыл глаза платком.)

Л а п т е в (покосясь на него, читает). "Прощай, Шура. Ни о чём не жалею. Только с тобой, иногда, мне было тепло и ласково". (Помолчал.) Шурке об этом письме прошу не говорить. Я передам его Шуре, когда найду это удобным. Глафира – у вас?

Е л и з а в е т а. Когда пришёл Нестрашный, я послала её к вам в совет, к Тятину, она ещё не возвратилась.

(Достигаев изумлённо мигает, глядя на жену.)

Л а п т е в. А где... Антонина?

Е л и з а в е т а. Идёмте...

(Ушли. Достигаев стоит у стола, потирая лоб, щёки, точно хочет стереть улыбку с лица. Бородатый солдат щупает драпировку.)

Б о р о д а т ы й. Замечательной крепости материя! Вот из эдакой солдатам шинели не строят!

Д о с т и г а е в. Теперь будут шить из материи и получше этой.

Б о р о д а т ы й. Шинели не станут шить, мы воевать не желаем.

Д о с т и г а е в. И не надо.

Б о р о д а т ы й. Мы решили уговорить все народы: долой войну, братья-товарищи!

Д о с т и г а е в. Вот это – правильно!

Б о р о д а т ы й. Ну, то-то! Вот, даже и вы понимаете, что правильно! Мы капиталистов передумим и начнём всемирную, братскую жизнь, как научает нас Ленин, мудрый человек. А Нестрашным – конец! Это кровожадный человек! Он в седьмом году так зверствовал... Однако, как вы тоже здешний, то сами знаете, какая он стерва...

Д о с т и г а е в. Да...

Б о р о д а т ы й. А вот вокруг вашей фамилии скандального тогда не слышать было. Хоша бывает и так, что живёт человек тихо, а вреда от него больше, чем от разбойника...

Д о с т и г а е в. Винца стаканчик не выпьешь?

Б о р о д а т ы й. Не-ет, нельзя! Я вроде как на часах при вас нахожусь.

Д о с т и г а е в (тревожно). Разве я арестован?

Б о р о д а т ы й. Это неизвестно мне. Ну, однако я – старый солдат и своё дело знаю. Которая застрелилась, – она кто будет вам?

Д о с т и г а е в (не сразу). Она?... Дочь...

Б о р о д а т ы й. До-очь?

Д о с т и г а е в. Да... Вот как... молодёжь-то...

Б о р о д а т ы й. Молодёжь... решительная! В дураках жить не желает. Дескать, отцы-деды пожилы дураками, а мы, давайте, попробуем иначе...

(Лаптев молча увёл солдата из комнаты.)

Д о с т и г а е в. Ушёл. Даже башкой не кивнул...

Е л и з а в е т а. Очень нужен тебе его поклон. Что-о? Перепугался?

Д о с т и г а е в (лирически). Ах, Лизок... умница ты моя! Как ты всё это... замечательно! Как своевременно всё... И про Антонину, и...

П а в л и н (выходит из тёмной комнаты). Да, Елизавета Михайловна, я тоже исполнен восхищения пред умом вашим.

Д о с т и г а е в. Это... как же ты? Где ты был?

П а в л и н. А я – удалился. Сказано: "Отыди ото зла и сотворишь благо". Я – не прятался, но сан мой – обязывает... Если б кто заглянул за портьеру, то увидал бы, что я – тут.

Е л и з а в е т а. Вы, отец Павлин, ночуйте у нас.

П а в л и н. Благодарствую! Хотел просить вас о ночлеге. Ещё повторю: замечательно вы о покойнице-то...

Е л и з а в е т а. Не будем говорить о ней...

Д о с т и г а е в. Да. Что скажешь? Неспособная была... (Наливает вино в стакан.) Ну, что ж? Значит – власть рабочих, а?

П а в л и н. О, господи! И горько и смешно...

Е л и з а в е т а. Ты, Вася, не беспокойся.

Д о с т и г а е в (соображает). Тятин, Лаптев, Шурка...

Е л и з а в е т а. И – не мешай мне...

П а в л и н. Все – молодёжь...

Д о с т и г а е в (соображая). Рябинин... Вот Рябинин этот... в каком количестве?

Е л и з а в е т а. Всё пойдёт хорошо! Ведь всё – очень просто! Очень просто, Вася...

Д о с т и г а е в. Умница моя! Твоё здоровье.

П а в л и н. На многие лета!

Б о р о д а т ы й (идёт). Выпиваете?

Е л и з а в е т а (удивлена). Вы – что, товарищ? Зачем?

Б о р о д а т ы й. А мы, некоторые, останемся тут, на случай, если придёт кто в гости к вам... Ну, чтобы и сами вы... ни туда ни сюда! Вон, у вас священник оказался... Надо поглядеть – может, ещё кто есть?..

Е л и з а в е т а (возмущённо). Никого у нас нет!

Б о р о д а т ы й. А вдруг – окажется?.. Ведь вот он, священник-то, его будто бы не было, а он – тут! Как с небеси прыгнул. Так что мы тут походим, поглядим... Может, ещё какие чудеса окажутся...

(Павлин медленно, машинально направляется в тёмную комнату.)

Б о р о д а т ы й (весело). Куда, куда, ваше священство? Не-ет, вы уж все посидите тут, а я вас покараюлю.

Е л и з а в е т а. Вы не смеете издеваться!

Б о р о д а т ы й. Чего это? Да я этого и не умею, издеваться-то, и даже не люблю. Это я – шутю, как будучи очень весёлый... Вы... не того, не тревожьтесь, сидите смирненько! Вот – винца похлебайте... Дело – лёгкое, вам знакомое...

(Начинается обыск.)

Занавес
1931 г.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!